

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир ПОСЕЛЯГИН

ЕГЕРЬ

Клетка открыта — впереди враг!

Современный фантастический боевик (АСТ)

Владимир Поселягин

Егерь

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Егерь / В. Г. Поселягин — «АСТ», 2016 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-097561-7

Что будет, если разозлить зверя? Он впадёт в бешенство. А что будет, если открыта клетка и впереди враг? Игорь Соколов был выпущен из клетки, а врагов у него было много, и настала пора раздавать долги, стирая из истории насквозь прогнившую верхушку правительства Советского Союза.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-097561-7

© Поселягин В. Г., 2016
© АСТ, 2016

Владимир Поселягин

Егерь

Цикл Владимира Поселягина «ОХОТНИК»:

«Охотник»

«Зверолов»

«Егерь»

Серия «Современный фантастический боевик». Выпуск 96

© Владимир Поселягин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

* * *

Думаю, не стоит говорить, что во мне клокотало холодное бешенство после того, как судья озвучил приговор. Кстати, странно, что мне вышку не дали в самом справедливом суде мира. С возможностями отца убитого это было раз плюнуть. Однако как ни изворачивался прокурор, но самооборона есть самооборона, тут адвокат постарался. Мне и так дали максимально по этой статье. Слишком много было свидетелей того случая. С другой стороны, как это помешает этим холуям, если им дали команду «фас»? Видно, было что-то такое, из-за чего они не переходили черту. Ничего, узнаю.

Артистом в данный момент я был так себе, честно это признаю, но пришлось играть до конца. Плечи после озвучивания приговора опустились, взгляд потух, упёрся в пол, я как-то сгорбился. Как только судья закончил слушание моего дела и озвучил приговор, то приказал конвою вывести меня из зала. Наручники уже были на мне, так что конвойные – у меня их было два, – подхватив меня под локти, повели из зала через коридор к дверям заднего двора, где стоял автозак, новенький ГАЗ-52. Именно на нём меня и доставили к зданию суда. Машина ещё пахла заводской краской, навевая мысли о свободе и привычной жизни.

Как я уже говорил, слушание было закрытым. Кроме десятка человек, в зале никого не было: адвокат, с жаром, но безуспешно боровшийся за меня, прокурор, судья, ну и остальные. Однако в зале был мужчина лет пятидесяти, которого я не знал, но легко определил, кто это. Тот самый отец погибшего, что из ЦК. Слишком взгляд его был переполнен холодной, я бы даже сказал, лютой ненавистью, когда он смотрел на меня. Было ещё несколько незнакомых мне человек, вот и всё.

Как только мы вышли из зала, я сказал первому конвойному:

– В туалет хочу.

– Вернёмся в СИЗО, там и сходишь, – буркнул сержант.

– Сейчас напружу в штаны, скажу, ты не пустил.

– Да пусть ходит. Их всех пробивает на нервной почве, – вмешался второй с пустыми погонами.

– Что взводный сказал, когда мы его принимали? – повернулся сержант ко второму конвойному. – Что он особо опасен, и на его уловки попадаться нельзя. Пусть прудит.

– Всё, не успели, – захныкал я, почувствовав, что по ногам сначала заструилось горячее, а потом штаны намокли и заохлодели.

– Ну, вот видишь, и вести не надо, сам всё сделал, – подтолкнул меня сержант. – Марш вперёд!

– Я по большому хочу, – сделав пару шагов, сообщил я.

– Товарищ сержант, ну давайте его в туалет сводим, вот же дверь, – умоляюще попросил рядовой.

Было видно, что сержант колеблется, ему явно тоже не хотелось нюхать запахи в фургоне автозака. Тем более сейчас самая жара, машину наверняка напекло, и ароматы будут ещё те.

– Ну, хорошо, – кивнул он и зачем-то поправил тяжёлую кобуру на боку. – Идём... Смотри у меня, если что – огонь сразу на поражение.

До ворот во двор оставалось метров пять, когда конвойные, так же страхуя меня, открыли дверь слева по коридору и завели в туалет. По запаху, который не перебивала даже хлорка, было сразу понятно назначение этого довольно большого помещения, оклеенного кафелем. Наручники с меня снимать явно никто не собирался. Более того, открыв кабину, оба конвоира остались стоять рядом, даже не подумав закрыть дверцу. Всё правильно, так и должно быть.

Рядовой, было видно, молодой парень, недавно служит, не думаю, что более года, поэтому он отвернулся, разглядывая потолок и стены, а вот сержант из старослужащих, по виду – далеко за тридцать. Зубр ещё тот, вот он с меня взгляда не сводил, да и подчинённого тербил. Явно наставник, или это мне повезло попасться на такого. Одно меня тут радовало, мы одни в закрытом помещении, и, в отличие от громилы рядового, сержант был вполне нормального роста. Не такой, как я, но именно его форма мне больше приглянулась из двух комплектов, представленных на выбор.

Как только я опустил штаны до колен, сержант немного расслабился, но всё равно не сводил с меня пристального взгляда. Со спущенными штанами не побегаешь и не подерёшься, однако инструкция. Зря он так, для меня что со спущенными штанами, что нет – разницы особой не было. В общем, я уловил момент, как раз пристраиваясь на очко – видно, это был туалет для зеков – и прыгнул к конвоирам. Рядовому хватило одного удара, а вот сержант, опытный чертяка, попытался крутануться вокруг своей оси, гася силу удара, но я и таких ловких удельвал. Так что от первого удара он поплыл, второй его нокаутировал. Причём всё это я проделал левой рукой, так как с помощью правой опускал бессознательную тушку рядового на пол, чтобы тот не произвёл много шума. Наручники я снял, вернее отстегнул с правой руки, так что они бултыхались на левой.

Быстро затащив рядового в кабинку туалета, где я сидел, закрыл его там изнутри, перебрался через верх наружу и с сержантом переместился в соседнюю. Там быстро избавился от наручников и стал сдирать форму с бессознательного тела. На то, чтобы переодеться, мне понадобилось две минуты. Не нужно говорить про горевшую спичку, я и так побил все рекорды, ведь нужно было эту одежду ещё снять, а это тоже непростое дело.

Открыв кобуру, я достал пистолет и с недоумением его осмотрел.

– Ни хрена себе табельное оружие, – пробормотал я.

В кобуре у сержанта оказался слегка потёртый, но вполне себе рабочий трофей с войны, «парабеллум». Причём это явно было табельное оружие. Я знал, что милиция их ещё использует, но уже выводит из оборота, заменяя служебным «макаровым», но не думал, что в конвойных войсках он ещё оставался. Вот у рядового всё было проще и привычнее – «ТТ» и запасной магазин, я это всё заранее реквизирувал. Роба полетела на тело сержанта, а я, поправив удавку галстука, надел фуражку, тут мне подошла рядового, у сержанта слишком большая была, и вышел из кабинки. Кобура с «парабеллумом» была на боку, а «ТТ» в кармане. Оружие проверять не было времени, однако я был уверен в его надёжности. Правда, если со мной играют, то вполне возможно, оружие без боеприпасов, то есть с охлажденными патронами. В принципе в перестрелках я участвовать не собирался, так на всякий случай взял.

Ликвидировать конвой я не стал, хотя желание такое и имелось, да у меня было желание уничтожить всю столицу, не то что этих двух недоумков, но я сдержался, было отчего. Ведь я собирался вернуть себе честное имя, и для этого мне требовалось вести себя корректно и достаточно вежливо, чтобы зацепок не было. Именно поэтому конвой и остался лежать в туалете без травм и других последствий. Хотя и в глубоком нокауте. Вот с судьёй другое дело, ещё нужно доказать, что это я его.

Да-да, вы не ослышались. Пацан сказал, пацан сделал. Кажется, так говорят? Так вот, я обещал судье проблемы? Будут. Причём если будут вопросы в будущем, не я ли судью того, у меня будет железный аргумент. Я что, сумасшедший – разгуливать в форме конвойного по суду, опасаясь опознания, и убивать того? Да я унёсся из здания суда быстрее своего визга. Это и сообщу, пусть попробуют доказать мою причастность, а в действительности, опустив фуражку на глаза, я спокойным шагом шёл по одному из коридоров здания, поглядывая на таблички у дверей, пока не остановился у одной. Там было то, что нужно: «Шишов И. О.», – именно этот перец и дал мне пятнадцать лет.

Для местных я в форме был как невидимка, на меня мало кто обращал внимание, более того, совсем не обращал. Причём я мог ведь привлекать внимание, так как обувь была мне на два размера велика. Ну не было подходящей у конвоя, и пришлось набить ботинки бумагой, чтобы они не болтались, но всё равно идти было неудобно, и походка у меня изменилась. Не враскорячку, конечно, но я стал немного косолапить. Так, немного прикрыв лицо и невольно изменив походку, я и дошёл до кабинета нужного мне судьи и, с ходу постучавшись и услышав разрешение войти, толкнул дверь и прошёл в помещение.

В таких зданиях в прошлой жизни милицейского, а потом и полицейского офицера мне приходилось бывать не раз, так что я знал, что меня ждёт. Более того, это здание сохранится и в будущем, я даже в нём был. Конкретно в этом помещении мне побывать не довелось, кажется, тут будет располагаться архив, но примерную планировку здания я знал, и пока шёл к кабинету, успел убедиться, что особых изменений в будущем не было, так что я свободно тут ориентировался.

Никакой приёмной или чего-то подобного тут не было, а сразу за дверью располагался кабинет Шишова Тёзки Олеговича.

– Что случилось, сержант? – раздеваясь, начал ко мне было оборачиваться судья, собираясь снять пиджак. Он только что пришёл, как и я, из зала суда, так что разоблачиться не успел. Странно, видимо, он где-то задержался, поэтому и не успел.

Меня только немного удивило, как он понял спиной, что я сержант, но заметив зеркало правее вешалки, понял, что тот разглядел меня в отражении, и судя по тому, как начали расширяться его глаза, он ещё и умудрился опознать меня. Опытный чел. Подскочив к судье, я ударом щепотки пальцев парализовал его, нужный удар у меня был хорошо отработан, после чего, подхватив его подмышки, я сказал:

– Ну что, тварь, как видишь, я бываю пророком. Сказал, будут проблемы, теперь у тебя большие проблемы.

Сказать что-либо тот не мог, только хрипел, поэтому, подтащив его к столу, я с силой опустил голову судьи виском об угол стола. После чего положил его на пол. Для всех тот запнулся о край ковровой дорожки – я её поднял и загнул – и ударился головой о край стола. Несчастный случай, такое бывает. Проверив пульс – тот отсутствовал, – я сразу подскочил к двери, покинул кабинет и спокойным шагом, быстрым, но неспешным, направился к выходу. Тревога ещё не была поднята – вырубил я конвой меньше трёх минут назад, – когда я оказался на выходе из здания суда и беспрепятственно его покинул.

Из «Матросской Тишины», куда мне возвращаться категорически не хотелось, сбежать было куда сложнее, здесь же справился бы и ребёнок. Так что я не упустил своего шанса, да и с судьёй поквитался. Никто же его не заставлял идти на поводу у отца погибшего, так что

получил он заслуженно. Так вот, пребывая в одной из камер следственного изолятора «Матросской Тишины», я успел подумать, пока было время, что буду делать. Первый план выполнен, я на свободе. Следующий? Да всё просто, папашка погибшего. Месть – это святое, и это блюдо подают холодным, а оно у меня замороженное, так что пора разморозить и ответить. Ещё у меня было в планах пройтись косою смерти по верхушке ЦК, уж больно хотелось, однако это могло помешать моим остальным планам. Они были достаточно просты. Обелить своё имя, чтобы не было проблем у родственников, убедиться, что у меня всё в норме, и инсценировать свою смерть. Как? Да просто. Тот ушлёпок, из-за которого я попал в эту историю, спокойно живёт и коптит небо, так что воспользуемся нашей схожестью. Он погибнет вместо меня, ну а я контрабандными тропами покину Союз. Дочек позже заберу. Причина такого решения? Да просто не могу я уже здесь, как удавку накинута на шею и душат. То нельзя, это... А я ведь привык к другой жизни, и хотя тут уже освоился и вполне нормально живу, но не моё это. Вырос-то я в перестройку, и моральные ценности у меня совсем другие, по сравнению с теми, что продвигают тут, в Союзе. Я как волк в овечьей шкуре, и хотя шкура начала сползать, надо успеть задрать как можно больше овец, прежде чем покинуть отару. Для меня тут стало слишком опасно. В общем, такая идея. В принципе можно громко хлопнуть дверью, уходя, когда инсценировка смерти будет произведена, и устроить охоту на зажавшихся членов ЦК, прежде чем покинуть страну, однако надо это всё обдумать. Позже, не сейчас, нынче у меня слишком много работы. План расписан по минутам, и его нужно выполнять.

Спустившись по ступенькам суда, я мельком посмотрел на папашу убитого, который на этих ступеньках, но дальше, у чёрной служебной «Волги», разговаривал с высоким мужиком. Я того знал, этот был следователь, что вёл моё дело, он тоже был на заседании суда. Брать этого папашу у всех на виду – тут было два десятка свидетелей плюс водители и пассажиры проезжающих по улице машин – я не хотел, вот это сразу припишут мне. Поэтому, запомнив номер машины, ещё раз мельком глянул на беседовавших, поспешил вниз по улице подальше от здания суда. Кстати, папашка имел довольный вид, видимо, всё же моя игра сработала, тот был доволен, что я «сломался» приговором. Ну-ну.

Когда я дошёл до первого перекрёстка, то обернувшись, обнаружил суету у здания – значит, мой побег был обнаружен.

– А вот это нехорошо, – пробормотал я, заметив, что за мной бегут трое бойцов конвойных войск, включая того следователя, а из-за здания выезжает автозак. – Похоже, лопухов обнаружили раньше, чем я рассчитывал, а следователь сообщил, куда я пошёл. Он контролировал всё вокруг себя, профи, мать его, ну и сразу сказал, куда пошёл странно знакомый сержант.

Последнее я обдумывал вслух на бегу, пытаясь разорвать дистанцию, но пока не получалось. Преследователи тоже оказались легки на ногу. Мне даже показалось, что это бойцы антидиверсионной группы, именно эти подразделения и занимаются отловом таких, как я. Не знаю по какой причине я пришёл к такому выводу, но чуял по повадкам, что это именно они. Вот это плохо, видимо, кто-то просчитал возможность побега и, подсутившись, придал основному конвою для подстраховки этих бойцов. Наверное, они во дворике ждали, а мы так и не появились, вот и сработали. Спецы, мать их. Что ещё раздражало, у двоих были «калаши». Могли издали достать, но они пока не стреляли.

Заметив, что к тротуару у здания, мимо которого я пробежал, пытается припарковаться дамочка, то даже глаза широко открыл от изумления и невольно улыбнулся. Если бы я не знал, что сейчас шёл шестьдесят девятый год, точнее лето шестьдесят девятого, то невольно подумал бы, что нахожусь в привычном для себя времени. В машине за рулём сидела классическая такая гламурная блондинка. Гламурная не по-будущему, а с учётом этого времени. Чуть высунув язык от усердия, она пыталась припарковать свою машину. И несмотря на то что у неё был не «Мерседес» или «Бентли», а самый обычный серенький горбатый «Запорожец», она имела гордый вид обладательницы автомобиля.

Среагировал я сразу, выбежал на дорогу, распахнул дверцу и, подхватив девицу по ноги и под, надо сказать, прелестную попку, которую успел пощупать, просто помог ей покинуть машину. Сделал я это быстро, поэтому её закрутило вокруг своей оси, а когда она остановилась, удерживая равновесие на каблуках, то «Запорожца» рядом уже не было. Лишь мелькнули на перекрёстке стоп-сигналы поворачивающей вправо машины. Визг возмущённой автолюбительницы я уже не слышал, но он достался преследователям.

Повернув на перекрёстке, я поехал дальше с положенной скоростью, снова повернул направо и двинулся по параллельной улице и снова вправо, возвращаясь к зданию суда. Надеюсь, тот папаша ещё не покинул его. Мне повезло, чёрная «Волга» как раз отъезжала от здания суда, поэтому, немного отстав, я пристроился за ними следом.

Фуражку я бросил на соседнее сиденье, ещё когда садился в машину, однако форма всё равно дискредитировала меня, нарушала, можно сказать, маскировку. Ничего не оставалось, кроме как приспособиться, в машине её так быстро не снять, тем более портупею придётся отстёгивать, поэтому немного опустившись, чтобы торчала только голова, я двигался следом за «Волгой», стараясь не отвечивать. Между нами всегда было три или четыре машины.

Когда служебная машина заехала во двор жилого здания для высшего чиновничьего состава, я проехал мимо арки, заметив, как водитель, открыв заднюю дверцу, выпускает папашку. Именно такое кодовое имя я дал этому недоноску. Делать пока мне тут было нечего, ночью вернусь, поэтому проехав мимо, я поехал к одному из своих схронов, которые создал на всякий случай. Мысли покинуть Союз у меня были и раньше, поэтому я готовился. Не специально, реально готовившись свалить, просто чтобы было, запасной вариант. Всего в Москве и области у меня было шесть таких схронов. Понимаю, что мало, но что есть.

Доехав до первого, я покинул машину, запер и направился внутрь здания. Это был заселённый рабочими барак, готовившийся к выселению. Тут что-то планировали построить, и шесть двухэтажных барачков из красного кирпича планировалось снести. Схрон был на чердаке. Так что, поднявшись туда, я откопал из-под битого шифера запylённый чемодан и вернулся к машине. Потом доехал до берега реки, в кустах переоделся, форму аккуратно сложил и убрал в машину, оставшись в коричневых брюках и серой рубашке и теперь ничем не отличаясь от советского обывателя. В схроне было и оружие, вполне такой обычный «макаров», так что он отправился в карман брюк вместе с запасными магазинами. Паспорт я убрал в нагрудный карман, туда же и водительское удостоверение. Комсомольский билет тоже имелся. Более того, даже удостоверение сотрудника милиции на то же имя было. Как я уже говорил, на поддельных документах я собаку съел и являлся твёрдым середнячком в изготовлении. Так что комплект запасных ксив у меня был. Пока я являлся Сергеем Майским, младшим лейтенантом и простым, почти честным гражданином.

Тут же в речке я искупался, можно сказать отскабливая с себя воспоминания о камере, всё же не один сидел, почти сорок человек было, и сразу покрасил волосы в рыжий цвет. Не в яркий, а такой, какой обычно бывает у натуральных рыжих. Брови прошли ту же процедуру. Да что они, в паху и то покрасил, чтобы диссонанса не было, мало ли после долгого воздержания бабу приведу. Фото были у меня во всех документах чёрно-белые, так что не подкопаешься. Меня, конечно, постригли в камере, но волосы уже немного отросли, так что у меня был короткий ёжик. Не модно в это время, тут были в моде длинные причёски, но уже не так бросалось в глаза, как совсем лысая голова. Хорошо ещё, что до стрижки оставалось три дня, раньше сбежал. Успел. Не обрили. Вот доберусь до другого схрона, где парики имеются, тогда вообще от простого советского человека ничем отличаться не буду.

Отмыв чемодан от пыли, я проехал в город, укрыл машину в одном из дворов и снял номер в гостинице, дойдя до неё пешком. Документы у меня были на ленинградца, как и удостоверение, командировочное удостоверение тоже было, так что я лишь внёс в него сегодняшнюю дату и спокойно заселился. Конечно, это было не так и просто, как ни странно, ни в одну

гостиницу без брони не заселят, но я знал подход к местным работникам, так что получил одно-местный номер из резерва. Тут было всё просто: я позвонил из телефона-автомата от имени куратора этой гостиницы, что обычно инспекцию проводит, и попросил заселить его знакомого, то есть меня. Так что всё прошло без проблем. Это тоже мной было подготовлено, я заметил эту гостиницу на всякий случай заранее. Как видите, пригодилось.

Дальше просто. Чемодан и спецсредства остались в номере. За них я был спокоен, командировочное удостоверение было от УВД Леноблгорисполкома, так что не подкопаешься, да и кто будет проверять сотрудника милиции? Ко мне вообще старались не лезть. Пришёл пешком с чемоданом, устроился в номере, ушёл без него.

Вернувшись к машине, которую оставил в соседнем квартале, я поехал к МУРу и оставил «Запорожец» неподалёку от входа. Любой, кто заглянет внутрь, заметит форму, так что недолго ему там стоять. Кроме формы, в машине было личное оружие конвоиров, их удостоверения и даже не тронутые портмоне. Им, конечно, влепят за то, что упустили меня, возможно, уволят за несоответствие, но статьи теперь за утерю документов и личного оружия не будет. Служаки же, чего их подставлять? Вот они мне пока ничего не сделали, и своего внимания я на них не перенёс.

Таксист, который подобрал меня у здания МУРа, видимо, принял меня за настоящего сотрудника, хотя удостоверения я и не предъявлял, поэтому, когда мы доехали до названного места, он остановил машину и получил оплату точно по счётчику, сразу же после высадки уехал, оставив меня на краю тротуара. Желудок уже выдавал голодные ругады, поэтому, прислушавшись к себе, я пробормотал избитую цитату:

– А в тюрьме сейчас макароны.

Осмотревшись, я энергичным шагом направился к ближайшей забегаловке общепита. Макарон сегодня в тюрьме не было, «любимая» у зеков гороховая каша должна была быть. Расписание питания в СИЗО за эти недели я успел вызубрить как «Отче наш».

Пройдя в зал, я подошёл к стойке, за которой стояла привычно тучная буфетчица, и озвучил заказ, получив в ответ:

– Пельмени будут готовы через десять минут, макароны с котлеткой подам позже. Можете пока взять чай и бутерброды.

– Хорошо, – ответил я.

Оплатив заказ и приняв чай с тарелкой бутербродов, я прошёл к высокому столику и стал наблюдать за улицей, вернее даже за аркой, что вела во двор зданий для проживания чиновников и их семей. Члены ЦК жили в других домах, и странно, что этот обитал тут. Ну да ладно, посмотрим.

Столы со стульями тут тоже были, но располагались у стены. Понятное дело, мне они не подходили, я ведь не только зашёл поздно пообедать – время было два часа, – но и вёл наблюдение, поэтому и стоял за высоким столиком, его ещё «пивным» называли. Буфетчица, как ни странно, сама всё вынесла на подносе, на них это не похоже, обычно подзывают к буфету, чтобы забрать заказ. Неужто срисовали? У этих глаз намётанный, можете мне поверить.

Когда я как раз заканчивал со вторым, то мельком обернувшись к очередному входящему, невольно поморщился. Вот ещё этого не хватало: облава. Особо я не беспокоился, но мало ли, могут и срисовать. А не беспокоился по той причине, что помимо окраски волос зеркало показало, что я превзошёл себя, и всё, как надо, я ещё и родинку приклеил на скуле. Заметную такую, с копеечную монету. На фото в документах она тоже была. Прорабатывал я этот вариант, что придётся менять внешность, так что заранее подготовился. Именно поэтому я и поехал к тому схрону, в остальных был стандартный комплект документов, денег и остального имущества для работы нелегалом.

– Граждане, попрошу всех приготовить документы, – услышал я от входа.

Там было двое, один сотрудник милиции в форме старшины, другой сержант. Делом это было обычным, так что местные доходяги и такие же командировочные, как я, зашевелились, доставая документы. Когда дошла очередь до меня, я показал открытые корочки.

– В командировке находитесь, товарищ младший лейтенант? – уточнил старшина. Особо он не робел и был уверен в себе. Сразу срисовал, что я не местный.

– Именно, – вздохнул я и предъявил командировочное удостоверение, намёк старшины был слишком прозрачен, чтобы его не заметить.

Тот так же внимательно изучил бланк и кивнул, после чего козырнул и отправился изучать документы следующих посетителей этого заведения. Минут через пять работники милиции покинули точку общепита, следом заспешил и я. Старшина, конечно, меня не опознал, если я вообще успел попасть в сводку, да и что я ему, в одной конторе «работаем», но уверен, на заметку он меня взял, так что лучше покинуть это засвеченное место, мало ли. Старшина с сержантом стояли у милицейской машины, куда грузили двух тунеядцев, всё-таки попались некоторые, поэтому, пройдя мимо, я направился вверх по улице, подальше от нужного мне дома. Этих двух алкашей взяли по той причине, что у одного на рукаве рубахи была свежая кровь, а у собутыльника обнаружили складной нож, также со следами крови. Вот и взяли до выяснения. Мало ли, может, где рядом ограбление произошло или что хуже. Кровь-то у этих двоих была чужая, сами они ранений не имели.

Сделав круг по кварталу, я вернулся на место и, изучив улицу, направился к одному из домов, слуховое окно чердака которого как раз выходило в нужную мне сторону. Бинобль у меня был. При мне был небольшой кожаный портфель на длинном ремне, для чиновников, так сказать, там помимо уже распотрошённой пачки с тысячей рублей был бинобль и некоторые необходимые мне в работе вещи, включая тонкие кожаные перчатки. В жару, что стояла снаружи, в них не походишь, так что лучше использовать, только когда никто не видит, ну или ночью. Так как-то спокойнее. Однако всё же отпечатки я старался нигде не оставлять. Даже машину и оружие протёр, прежде чем их бросить. В номере гостиницы поступил так же. Конечно, это палево, вот так нагло устраиваться в ней, но я не считал, что меня будут там искать. А где будут? У родителей, знакомых, по чердакам и подвалам, а не в гостиницах, где я нагло устроился, да ещё под видом сотрудника милиции. Нет, прикрытые точно идеальное. Нужно думать и действовать не шаблонно, так я и поступал.

До самой темноты я изучал дом, где жил нужный мне человек. Тот, из-за которого я и попал в эту историю. Если бы эта сволочь так активно не вмешивалась в следствие, ничего бы не было. Дело бы даже до суда не дошло, у меня хоть и немного грязная, но всё же самооборона. Больше двухсот свидетелей видели, что я никого не трогал, это на меня нападали, ну а то, что так вышло, так обучен я так: выводить противника из строя максимально эффективно. Что я, виноват, что там два трупа и четыре навсегда искалечены? Так что раз вмешался – нужно ответить.

Конечно, я мог обратиться к своему куратору, генералу Семичастному, однако его свалила какая-то странная болезнь, он вот уже два с половиной месяца как не покидает пределы своей дачи. Это было похоже на изоляцию, так что самому подставляться и подставлять его не хотелось. Придётся действовать самому, да и не доверял я больше никому. Потерял я доверие это.

Как проникнуть в здание, я уже определил, внизу была вахтёрша, но это не для меня, тем более я знал, в какой квартире проживает нужный мне человек. Вернее, даже не квартиру, а балкон, на который он выходил покурить и где я его срисовал. Тем более дверь он не запер, оставив проветривать помещение. Реально было жарко.

Быстро спустившись с чердака – мою одежду хоть выжимать можно было от пота, – на ходу надел перчатки – была глубокая ночь, и мне никто не мешал, – я подбежал к углу нужного здания и, ухватившись за трубу водостока, стал по ней подниматься на пятый этаж. Там, ухва-

тившись за ограждение, перевалился на крышу, невольно хрустнув железом. Успокоив дыхание, пополз по краю к нужному месту, под которым был необходимый мне балкон. В портфеле был моток верёвки – пять метров, но мне хватило. Привязав её к ограждению – предварительно проверил его на прочность, – я спустился на третий этаж, проигнорировав балконы пятого и четвёртого, и осторожно ступил на перила третьего, именно этот балкон мне и был нужен.

Мягко спрыгнув на пол, я оставил верёвку висеть – да её и так не хватало, кусок виднелся под балконом четвёртого этажа – и тихо подкрался к полуоткрытой двери. Судя по бормотанию, там ещё не ложились спать. Зал, куда вела дверь с балкона, был тёмным и пуст, я прокрался к двери в коридор и осторожно выглянул. Тут тоже было темно, но в кухне явно кто-то был. Под закрытой дверью пробивался свет, и именно оттуда слышались голоса. Кстати, квартира была отделана не хуже, чем у меня, дорого, но безвкусно. У меня же дорого и со вкусом. Правда, квартира была шестикомнатной, у меня поменьше будет.

Осторожно подкравшись к двери, я лёг на пол и прислушался. Там не было разговора, работало радио, и ему кто-то подпевал женским голосом. Похоже, это была домработница. Так и оказалось. Проверив детскую, где в маленьких кроватках спали двое детей, я заглянул в спальню к хозяевам. Оба спали на большой двуспальной кровати. Мельком осветив фонариком спящих, но не разбудив их, я убедился, что это те, кто мне нужен. Тот самый папаша и, похоже, жена. Кстати, их сын – лицо его я помнил – был очень похож на мать.

Дальше я действовал быстро: вырубил обоих и, связав, привёл в чувство. Кляпы не давали им сказать ни слова, да мне и не нужно было этого. Быстро описав, кто я, просто сказал, зачем пришёл, и приступил. Особо пытать я не любил, душа к этому не лежала, а тут уж очень хотелось. Хотелось отвести душеньку за все те дни, что я провёл в камере ни за что. Так что мучился у меня хозяин квартиры почти сорок минут, пока не умер от остановки сердца. Увечий я ему не нанёс, так, лишь синяки, потому, как только тот сдох – реанимация для продолжения пыток не помогла, – посмотрел на жену.

– Я с бабами и детьми не воюю, но и свидетелей не составляю, уж извини.

Тело мужа я поднял и отнёс к окну, положив так, как будто он полз к нему, но умер от остановки сердца. Да-да, я собирался устроить тут пожар, благо было чем. Потом я крепко вырубил жену, чтобы потом судмедэксперты определили, что в её легких был дым, снял с нее путы, ну и организовал пожар в их спальне. Честно говоря, меня мало волновало, погибнут ли оставшиеся дети или нет, о моих кто подумал? Однако когда я по верёвке поднялся на чердак и сматывал её, с облегчением услышал крик: похоже, та домработница подняла тревогу. Надеюсь, она спасёт детей, всё же очаг возгорания был в спальне хозяев. Ну, а для пожарных я поступил просто: воткнул в сеть все электроприборы, так что свалят причину пожара на один из них. Ну, а для пожара я использовал духи и одеколон хозяев, облив ими пол и кровать рядом с телами. Хорошо полыхнуло. Главное, чтобы на них ничего не попало. Конечно, эксперты в это время не то что в будущем, но смерть члена ЦК будут расследовать очень и очень серьёзно. Подставляться по мелочи не хотелось, так что я и на крыше старался не оставлять следов.

Когда я спустился по водосточной трубе и снял перчатки, то подбежал к зевакам и тоже заглянул в арку. Из окна третьего этажа вырывались языки пламени, суетились жители соседних квартир, спасая добро, а где-то вдали уже звучала сирена пожарной машины. Так что, изучив всё, что происходило во дворе, я покинул зевак и, прижимая портфель к боку, поспешил прочь из этого района. По пути мне удалось поймать такси, и на нем я доехал до гостиницы. Дальше просто: душ, одежду в стирку, после чего на верёвку и спать.

Утром, когда раздался стук в дверь, я крикнул:

– Входите, открыто!

Дверь толкнули, и показалась дежурная по этажу, которая принесла мне поглаженную одежду. Вчера я ту быстро постирал и выжал, повесив сушиться в номере, а утром попросил

дежурную погладить, вот она и принесла. Сам я сидел в одних трусах и майке, так что, поблагодарив дежурную, облачился и направился завтракать. Вот только после него, собравшись, покинул номер. Я выписывался.

Вчера ночью, проводя пытки того гада, я также вёл и допрос. Стержня внутреннего у него не было, сразу гнильё полезло, так что всё, что нужно, я узнал быстро. Тот всех сдал, кто помогал законопатить меня, даже список составил, но ими я займусь позже. Сейчас стоит задача обелить своё имя. Как я это сделаю? Есть один план, рискованный, но мне подходит.

На такси я доехал до окраины Москвы, на общественном транспорте покинул столицу и перебрался в Подмосковье. Дальше на попутной машине, в конце пешком, пока не оказался там, где надо.

– Здорова, Михалыч, – поздоровался я со старшим егерем. – Ильич тут, или его ещё не было?

– Да здесь, второй день на дальней заимке отдыхает, – охотно ответил тот. – Причём свиты почти и не было, так, ближайшие друзья.

Кому-то покажется, что тот слишком разоткровенничался со мной, но он меня несколько раз видел с Брежневым, так что отвечал спокойно. Охрана меня не раз проверяла. Да-да, я был на месте любимого отдыха генерального секретаря, это было одно из мест, где он любил охотиться. Не то, куда водил делегации или посольства, а где любил отдохнуть один или в кругу ближних товарищей и друзей. О том, что Брежнев на охоте, я узнал от того гада, тело которого сжёг вместе с ещё живой женой. Его, конечно, тоже вскроют, но определят остановку сердца, если тот до костей не выгорит, так что особо я не беспокоился.

– Подкинешь? – спросил я у него. – Не хочу десять километров пешком топать.

– Да тут и семи нет, – вздохнул егерь и кивнул на «козлика», что стоял у дровяного сарая. – Садись, довезу.

Мы сели в машину и поехали к нужной заимке. Пока ехали, я развлекал Михалыча разговорами. Особо тот ко мне не приглядывался, я смыл краску с волос, снова вернув себе натуральный цвет, да и родинку отлепил. Всё это я проделал на окраине леса, у ручья, там же и спрятал чемодан, так что при мне не было ничего, ни документов, ни оружия. Пробиваться буду к Брежневу через знакомство, тут документы не нужны, тем более с Брежневым я уже не раз встречался. Три, если быть точным. Тот меня хвалил и за сценарий фильма, и за книги, и за песни, то есть знал, кто я такой. Тогда я пробился к нему через одного из телохранителей, вот и сейчас хотел поступить так же. Тем более два раза тот меня брал на совместную охоту, и здесь меня знали.

Когда впереди показался пост, я немного напрягся, однако ничего, подъехали, и лейтенант, что тут командовал, просто махнул рукой, разрешая проехать мимо. Это было странно, с учётом того, что недавно на Ильича совершалось покушение. Это было зимой, там ещё вроде космонавта убили или ранили, не интересовался. Так вот, охрана должна вести жесткий контроль окружения, а тут раз – и пропустили. Правда, ситуацию пояснил мне сам Михалыч, заметив моё недоумение. Оказалось, его знали, а пост просто должен был заворачивать всех неизвестных. Одно то, что я сижу рядом с ним, показывало, что я свой, а встретить меня, посмотреть документы и всё остальное должны были дальше. Понятно, это просто внешнее оцепление, будет ещё внутреннее.

Всё так и оказалось, за пару километров до заимки нас остановил уже другой пост, вот это было серьёзно. Нас не только попросили выйти из машины и обыскали, но и осмотрели саму машину. Документов у меня не было. Это напрягло охрану, но не сильно, один из поста был из телохранителей Брежнева и меня узнал. Я отвёл его в сторону и там попросил сообщить Ильичу, что прибыл Соколов для личной и очень срочной встречи. Тот покивал и отошёл. Он с кем-то долго разговаривал по рации, изредка бросая в мою сторону настороженные взгляды, после чего подозвал.

– Садись, едем.

Сели мы в машину егеря, причём оставили его с бойцами на посту и поехали дальше. У входа меня снова обыскали, в этот раз очень серьёзно, даже ботинки велели снять, напомнили, что резких движений делать не надо, и завели в заимку.

Первым делом, когда я вошёл, то рассмотрел окровавленные бинты на обнажённой ноге Ильича. Тот полулежал в кресле, выставив ногу, которую как раз осматривал врач в белом халате, размотав бинт. У окна стоял Щёлоков в охотничьем костюме, с патронташем, но без ружья. Теперь понятно, кто меня сдал, уж он-то точно должен знать о побеге особо опасного преступника.

– Здравствуйте, Леонид Ильич, – поздоровался я и тут же спросил: – Что с вами случилось? Стреляли?

Тот поморщился, но всё же ответил:

– Нет, сам на сучок напоролся. Штаны жалко, подарок одного посла. Охотничьи, специально для Африки... Зачем пришёл?

От двери меня подвели к стулу у стены и посадили. Всё время, пока сидел, я ощущал ладони телохранителей на плечах. Сделать рывок у меня не было шансов, да и не хотелось, я прибыл сюда за другим. За справедливостью. Наи-ивны-ый!

– Вы уже в курсе о том, что со мной случилось? – осторожно спросил я. От ответа я и собирался отгаликиваться. Всё шло у меня импровизацией.

– Просветили, – кивнул Брежнев, даже не покосившись в сторону Щёлокова.

– Представляю, о чём. Так вот, я бы хотел заявить о своей невиновности и прошу пересмотреть дело. Также поставить на место отца одного из погибших. Он зарвался: если член ЦК, то что, всё можно?.. Поэтому я и здесь. Я надеюсь на вашу помощь, Леонид Ильич, в решении этой проблемы.

– А как насчёт побега? – вмешался Щёлоков.

– А что побег? – натурально удивился я. – Мера вынужденная. Никто не пострадал, форму и оружие я вернул. Разве не так?

– Да, машину у здания Петровки мы обнаружили, это так. А судья?

– Какой ещё судья? – натурально удивился я.

– Знаешь, в такие совпадения я не верю, ты грозил ему, сбежал, а тут раз, его нашли мёртвым в своём же кабинете.

– Всё равно не понимаю, при чём тут я, – пожал я плечами, чувствуя, как пальцы телохранителей крепко сжали их. – Я не грозил, лишь сказал, что всё ещё не закончено. Я разве был не прав? Всё так и было. Сбежал, отсиделся день, ну и, узнав, где находится Леонид Ильич, сразу оказался тут.

Сам Брежнев всё это время морщился. Не от нашей беседы, я видел, что он внимательно слушает, по другому поводу. Врач продолжал отдиравать ему бинты, пока не снял их, так что когда монолог мой был закончен, доктор почистил рану, намазал её чем-то и как раз начал бинтовать. Повреждение действительно было несерьёзным, скорее глубокая кровотокающая ссадина, чем рана.

– Вот что, Игорь, – обратился ко мне Брежнев. – Скажу честно, помощи тебе от меня не будет. Раз суд вынес тебе приговор, значит, он справедлив. Пиши по инстанциям, а от меня помощи не жди. Её не будет.

– Вот оно как, – медленно проговорил я, чувствуя, что рушатся все мои планы, а в глубине души быстро разрастаясь, загорелся огонёк ненависти, но всё же я дал последний шанс: – Это окончательное решение?

– Да. Увести его и передать в руки правоохранительных органов.

Сгорбившись, я позволил повести себя к дверям, невпопад передвигая ноги, делая вид, что сломался, но у самых дверей разогнулся как пружина и нанёс два удара. Не сказать, что от

меня это не ожидали, как раз наоборот, ожидали, да и спецями парни оказались очень крепкими, так что работали мы практически на равных. Ладно, с тем, что держал меня слева, вот его я вырубил, и похоже, надолго, чистый нокаут, а второй, судя по работе, был спецом по греко-римской борьбе, вернее начинал с неё, поэтому на рефлексах пытался меня заломать. Я его тоже достал, но по касательной в голову, оглушив, поэтому работал он на инстинктах, позабыв всё, чему его учили. Чувствуя, как трещат мои рёбра – телохранитель был зверски силён, – я наконец дотянулся до его кобуры и достал пистолет. Прижав к боку, сделал два выстрела, после чего противник обмяк. Попадание в сердце, без шансов. Этим я отрезал себе дорогу назад. Вернее, это Брежнев своим решением подтолкнул меня к этому и повлиял на свою дальнейшую судьбу.

Всё, пути назад были отрезаны, так что выхода у меня не было, только идти вперёд. Похоже, мои планы, вернее острое желание покинуть эту страну, получили жизнь. Лёжа на полу, с трупом телохранителя на себе, я сразу открыл огонь. Пока мы боролись, особо ситуация в единственном помещении домика не изменилась, врач бинтовал, даже не обернувшись, а генерал сделал первый шаг к стойке с оружием. Вот ему и ушла следующая пуля. Схватившись за грудь, тот сполз по стене, оставляя на ней след крови. Вторая пуля вошла точно в переносицу Брежнева, третья в голову врача, четвёртая уже во второго телохранителя. Он был ещё жив. Мне требовалась полная зачистка, и я её проводил.

Естественно, снаружи выстрелы слышали, поэтому нужно было спешить. Достав запасной магазин, я перезарядил «макаров» и даже дотянулся до тела второго телохранителя и позаимствовал пистолет у него. Меня в этой ситуации радовало только одно: у того, с кем я боролся, пистолет был на боевом взводе, мне осталось лишь пальцем скинуть предохранитель и произвести выстрел, что я и сделал. Одной рукой я бы не смог взвести оружие, вторую мне тот громила подмял, что продолжал лежать на мне. Сейчас я её освободил, и она была вооружена и очень опасна.

Уловка сработала. Дверь распахнулась, и, перепрыгивая через нас – ногу мне, гады, отдавили, – вбежало трое. Ещё парочка страховали у окон, так что я сразу открыл огонь: в того, что стоял на крыльце, в тройку в доме и одного, что мелькнул в окне. Попал, но второй ушёл, нырнул вниз, уходя от выстрела. С трудом скинув с себя телохранителя, я перезарядил и стал осматриваться. Снаружи было пусто, стояли машины, дымился костер, над которым на треноге висел котелок. Хотя нет, под навесом за столом сидело трое, егеря, судя по одежде. Судя по выпученным глазам, они такого не ожидали, но когда я перекатом выкатился из окна и завалил последнего телохранителя, ну вернее крайнего, вот тогда они задёрнулись. Рядом со мной ударил в землю заряд картечи, а от егерей раздался грохот выстрела, потом второй, но я уже ушёл за поленницу дров и побежал вокруг. Под навесом обнаружилось двое егерей, один, перезарядившись, уже выцеливал меня, ища глазами, второй быстро снаряжал своё ружьё. Третьего не было видно.

Вооружённый заметил меня боковым зрением, но ничего не успел сделать, лишь сдавленно вскрикнуть, поворачивая ствол оружия в мою сторону, но тут же упал с двумя пулями в груди, досталось и второму, хоть тот и нырнул под стол. Третьего я обнаружил в стоявшей рядом бане. Тот был безоружен, но я не остановился. Дело-то серьёзное, свидетелей в таком случае не оставляют. Ох, не этого я ждал, не такой подлости. Вот и пришлось импровизировать. Другого шанса сбежать не будет, а в тюрьму я не хотел. С какой это радости? Ладно бы действительно заслужил. Если вся верхушка покрывает друг друга, то что, я не могу их тронуть? Вот я так лично не считал. Все мы смертны.

Последнего егеря, перед тем как ликвидировать, я допросил, быстро узнав у него, сколько людей было на заимке. Всё было верно, сколько положил, столько и было. Посмотрев на босые ноги, пошевелил пальцами, припомнил, где с меня сняли обувь, и поспешил туда.

Быстро пробежавшись и сделав контроль – был один недобиток, – я собрался и, сев в машину, направился к посту. На себя я накинул куртку одного из охотников, чтобы скрыть окровавленную рубаху. Меня так хорошо залило любителем борьбы, что одежду требовалось менять. Не отстираешь. Понятно, что охраны вокруг было много и у меня мало шансов, только вот почему их не было? Были. Это же охота, стреляют постоянно, тревоги с заимки не подняли, значит, пока всё в норме. Так и оказалось. Не доехав поста, где нас останавливали, я побежал дальше пешком. Оцепление меня не видело и не знало, а вот остальных свидетелей на обоих постах требовалось уничтожить. У одного телохранителя оказался револьвер иностранного производства, вот его-то я и завернул в простыню, найденную на заимке, так что на некоторую глухость выстрела я надеялся. Хотя не так далеко разнесётся. Всего на перекрёстке лесной дороги было семеро человек при машине. Один меня увёз к заимке, но остался Михылыч, значит, как и прежде, семеро.

Подобрался к посту вплотную – меня не замечали, лишь Михылыч, сидевший на поваленном стволе, насторожился и стал крутить головой, видно почувал что-то. Он-то первый и лёг, нож, вращаясь, вошёл ему точно в спину, достав сердце. Метнув оставшиеся три ножа, я положил ещё трех, а остальных расстрелял из револьвера. Офицер оказался с боевым опытом и перекатом ушёл за машину, фактически увернувшись от выстрела. Но пока он лапал служебную кобуру на боку, я добрался и до него. Просто обойдя машину, за которой он укрывался.

Проверив пост на подранков, я пополнил боезапас и, сбегав за машиной, проехал пост, направляясь к следующему. Пальчики я не оставлял, точно вам говорю, всё за собой подтирал, так что, проехав один пост, я направился ко второму, уже не став бросать машину, а проехал прямо так, напрямую. Конечно, простыня чуть приглушила звук, но всё же полностью его не убрала, однако сделала достаточно тихим, чтобы он не разнёсся далеко, так что на посту была тишь и благодать. Четыре солдата и тот самый офицер, лейтенант. Между постами было чуть больше километра, так что, похоже, звуки схватки до них не долетели, и это радовало. Правда, с поста их должны были предупредить по рации, что едет машина, а этого не было, так что они насторожились, и не зря.

На первом мосту тоже были солдаты и офицер, и хотя я их положил, расслабляться не стоило. Это были бойцы из внутренних войск. Эти, например, элита, из дивизии Дзержинского. Так что, подъехав, я остановил машину по требованию и открыл огонь с двух рук. Простыня и тут помогла, выстрелы били слегка приглушённые, не звонкие хлопки. Проведя контроль, я поехал дальше, к основной базе. Именно туда я прибыл, и оттуда меня забрал Михылыч. Если уж проводить зачистку, так проводить. Там было трое, их и нужно было убрать.

Бросив машину в кустах на подъезде, я тщательно протёр все места, где касался и не касался тоже, после чего уже побежал к строениям егеря. Брать автоматы бойцов я не стал, пистолетов мне хватало. Шуметь я не собирался. Да и палево это – брать оружие убитых: найдут – сразу свяжут с убийством Брежнева, мне это надо? Так что именно поэтому я и проводил зачистку и собрался позже избавиться от всего, что могло меня привести к этой ликвидации, то есть связать с нею.

Уже через час я голосовал на дороге, подняв руку. Достаточно быстро рядом остановился четыреста первый «Москвич», и в открытое окно выглянул усатый мужчина:

– Куда?

– В Брянск.

– Не по пути, но до Калуги я тебя подброшу. Садись.

Поправив висевший на боку портфель, я сел рядом с водителем и закрыл дверь. Отрепённо глядя на поля, что медленно проплывали вдаль, я вдруг почувствовал озноб. Только сейчас я понял, что натворил, но другого пути уже не было. Мне его не дали. Быстро взяв

себя в руки – хватит рефлексировать, да и не моё это, – я зло оскалился. Хотите войны? Вы её получите. Не знаю, кто начал эту партию со мной во главе, но пешкой я быть не собираюсь.

Планов у меня было море, но сначала дочки. Меня будут искать, и они самое больное место, на которое противник сможет нажать. Вряд ли ликвидацию Брежнева припишут мне, я всё сделал хоть и кроваво, но чисто, однако перестрашуемся и вывезем их в безопасное место, так что направлялся я в Киев. Причём старался это сделать с максимальной скоростью.

Как только я расстался со словоохотливым водителем, то у озера, где никого не было, снова сменил внешность, став рыжим – парик помог, – проверил документы и, поймав следующую машину, поехал дальше. Как я уже говорил, путь мой лежал в Киев.

В этот раз машина была грузовой. Сидя рядом с водителем, я опёрся виском о холодное стекло двери и размышлял о своих дальнейших шагах. Меня крутила какая-то неправильность, непонимание буквально бесило, что-то тут не так. Меня так увлёк этот анализ, что я не сразу заметил, что ямы на дорогах стали глубже, и грузовик бросало из стороны в сторону, отчего стекло окна стало всё сильнее и сильнее бить меня по лицу... По лицу?!

– ...давай, очнись... – услышал я сквозь шум в голове, в котором постепенно стихал рёв мотора грузовика.

Приоткрыв глаза, я рассмотрел усатое лицо того самого телохранителя, с которым боролся, спеца по греко-римской борьбе. Несколько секунд я непонимающе смотрел на него, после чего застонал от огорчения и с некоторым облегчением спросил у него:

– Рывок не получился?

– Нет. Как дёрнулся, Афанасий тебя зафиксировал, а я приложил, – указал тот мне свой внушительный кулак.

– Понятно, – с огромным облегчением вздохнул я. Парни легендарной «девятки» не такие уж и лохи, и завалить их, как это было у меня в навейных сотрясениях «воспоминаниях», нечего было и делать. Зубры те ещё. Одно радовало: Брежнев жив. Он, конечно, полное чмо, но проблемы с его гибелью мне были не нужны.

Теперь мне была понятна та странность, что всё то время крутила меня, пока я ловил глюки. Всё было неправильно, но в глюках я поступал, как ни странно, логично. В бою, я имею в виду, а вот остальное не то что импровизация, хрень полной воды. Ну куда, тот, я в глюках попёрся?! Какой автостоп, нафиг?! Не-е, глюки они и есть глюки. Причём у меня были такие, что я не сразу стал улавливать некоторую несуразность, а тут меня «разбудили», не дали покайфовать до конца.

– Мы где? – прохрипел я.

– На внутреннем посту. Вызвали автозак с конвоирами, скоро тебя заберут. Ты почти три часа был в отключке.

– Ясно, – осторожно кивнул я и сделал несколько глотков из серебряной фляжки усатого, потом ухватился за поданную руку – как оказалось, руки у меня были снова скованы наручниками, – принял сидячее положение, отчего меня повело в сторону. – Сотрясение средней тяжести, хорошо ты меня приголубил.

– Сам виноват, – усмехнулся тот, закрывая крышку и убирая флягу во внутренний карман пиджака. – Чего хотел добиться-то?

– Поговорить хотел с Брежневым, дать ему шанс передумать.

– Шанс передумать? – хохотнул телохранитель. – Это ты загнул.

Я уже заканчивал осматриваться, мы действительно были на том посту, который я уничтожил первым в своих воспоминаниях, вокруг шелестели листьями деревья, стояла машина и бродили бойцы. В общем, всё как обычно.

– Да это я от сотряса бормочу, сам не понимая что, – отмахнулся я. – Слушай, а ты случайно греко-римской борьбой не занимался?

– Ты откуда знаешь? – удивился тот. – КМС получил в юности.

– А у Афанасия револьвера не было иностранного, помощника твоего? Он на лодыжке его крепит. Маленький такой, пятизарядный, хромированный.

– Есть, – уже серьёзно насторожился усатый. – Ты откуда знаешь?

– Интересные у меня глюки, – задумался я, но усатый тряхнул меня за плечи, поэтому пришлось пояснить: – Когда ты меня приглубил кулачищем своим, я не сразу сознание потерял. Револьвер не рассмотрел, просто понял, что у него что-то есть, штанина обрисовала, а у тебя движения и походка борца.

– Вот оно что, понятно... Кстати, слышу завывания движка, похоже, автозак едет.

Прислушавшись, я осторожно кивнул, действительно стало слышно двигатель грузовой машины. Свалить с поста мне не удастся, я уже прикинул и понял, что меня страхуют трое, остальные, если что, на подхвате. Не-е, гиблое дело тут махаться. Я, конечно, с сильным сотрясением загнул и старательно его играл, но шансов тут у меня не было. Надеюсь, они будут в автозаке. Кстати, я был в носках.

– Обувь моя где?

– Чего нет, того нет, уж извини, – развёл усатый руками, вставая на ноги. – На заимке забыли.

– Фигово. Помогли встать, что-то меня мутит и взгляд не могу никак сфокусировать.

– На контузию похоже, – уверенно сказал тот и помог подняться на ноги, отчего меня повело в сторону, и я буквально выплюнул, содрогаясь, свой далёкий завтрак. То есть меня тошнило. Ну а так как ел я уже давно, то в основном желчью.

Честно говоря, ситуация меня не радовала, я, конечно, словил глюков, и то, что Брежнев живой, хорошая новость – не загонят и искать так сильно не будут, но вот даже тогда, в глюках, я был свободен, сейчас нет. Вот это и бесило больше всего. Лучше бы глюки были настоящими. В реальности не сбежишь, посадят в автозак, а там накрученные конвоиры уже так не подставятся, то есть шансы сбежать были не то что малы, их фактически не было.

Усатый помог мне сесть на ствол поваленного дерева, тот самый, где остался меня ждать Михалыч, его, кстати говоря, не было. Я немного ещё поиграл, меня трясло, и я нервно дергал головой, с трудом фиксируя взгляд на лице усатого, то есть продолжал игру. У меня, конечно, есть сотрясение, действительно подташнивало, отчего и удалось вызвать тошноту, но не так сильно. Скорее всего, у меня была лёгкая степень, так что и с ней можно повоевать. Тело слушалось, и это главное.

– Ты не в курсе, почему Брежнев согласился со мной встретиться? Странно, зачем он это сделал, если и через вас мог сразу передать свой отказ и сдать милиции?

– В курсе, конечно, я как раз вёл журнал учёта посетителей и вписал тебя. Сперва, когда пришло сообщение, Леонид Ильич дал добро, а тут и мы, и генерал через свои каналы узнал, что за тип к нему в гости набивается. Так что пока тебя обыскивали и снимали обувь, и доложили всё Брежневу. Тот, правда, от встречи почему-то отказываться не стал и велел тебя привести.

– Почему отказал в разборе моего дела, в курсе?

– А вот эта уже закрытая информация.

Похоже, усатый сам не знал, поэтому и ответил так. Сейчас он стоял рядом и наблюдал, как подъехавший к посту автозак останавливается и выпускает изнутри трёх солдат конвойных войск, офицера и двух бойцов. Последние уже были с автоматами и были мне хорошо знакомы. Это были те самые конвойные, от которых я ушёл. У рядового был синяк на подбородке, а у сержанта на скуле. Оба смотрели на меня недобро.

Пока усатый передавал меня офицеру, автозак успел развернуться, а сержант поменял наручники на свои, а те, новенькие, вернул усатому. Кстати, сковали в этот раз сзади, за спиной, видимо чтобы таким резвым не был. После чего меня подвели к машине и заперли внутри, в отсеке для заключённых. Тут же в тамбуре устроились оба конвоира, офицер сел в кабину

к водителю, после чего мы поехали по лесной дороге обратно в «Матросскую Тишину». А-а-а, не хочу!!!

Всё то время, пока меня принимали и усаживали в машину, я делал вид, что у меня сильный сотряс, если уж играть, то до конца. У входа в автозак меня снова начало тошнить, отчего я залил желчью – помогла вода из фляги – не только сапоги сержанта, но и его галифе, отчего тот сейчас сидел на скамейке и оттирал их. Его взгляд и так был не добрый, а тут вообще стал злым.

Руки у меня были скованы сзади, к тому же конвоиры, когда принимали меня, очень тщательно обыскали, да сержант ещё тогда явно специально наступил мне каблуком сапога на босую ногу, сволочь. Чуть пальцы не раздавил, но я сдержался от стога, хоть и отомстил ему потом, испачкав брюки. Так вот, обыск провели тщательный, но главного не усмотрели, отмычка всё же была. Так что, мотаясь из стороны в сторону согласно неровности дороги – ехали мы медленно, – я содрал небольшую кровавую корочку и достал из-под кожи крохотную отмычку, которую загнул туда на всякий случай перед встречей с Брежневым. Случай крайний, так что воспользуемся им.

Отмычка сработала как надо, я снял наручники с левой руки и застегнул их на правой, чтобы они не мешали болтаясь. По моим прикидкам, мы уже проехали внешний пост вэвэшников, так что я стал вести себя ещё более тяжело, как будто меня растрясло дорогой, и, упав на пол, стал захлебываться, изображая тошноту. Меня действительно тошнило, не сильно, но всё же, так что играть было легко.

– Твою мать! – заметив это безобразие, сразу же заорал сержант, он понял, что я сейчас банально захлебнусь. О сотрясении им сказал тот усатый, предупредив, чтобы ехали они осторожно, не растрясли.

Вскочив, тот несколько раз ударил прикладом автомата в перегородку, за которой была кабина, отчего тональность режима работы мотора машины сразу сменился, автозак явно останавливался, и бросился открывать дверь. Рядовой его страховал.

Лежал я так, что тому пришлось перепрыгивать через мои ноги. Присев рядом, сержант попытался положить меня на бок, чтобы я не захлебнулся, судороги, похожие на эпилепсию, ещё сотрясали меня, отчего у него ничего не получалось, а тут уже я сработал. Совместный удар ногами по ногам рядового – и тот падает на меня, однако я, используя помощь сержанта, уже качусь в сторону, так что конвоир падает на своего напарника, сбивая сержанта с ног, и они падают на пол. Дальше просто, я вскочил на ноги и двумя ударами вырубил обоих.

– Похоже, у вас карма такая, – хмыкнул я.

Ещё не всё было закончено, но я был на пути к освобождению, поэтому позволил себе немного радости. Кстати, меня действительно немного шатало, вот это было плохо, нужно будет где-то потом отлежаться, если всё же освобожусь.

Подхватив новенький АК, я проверил снаряжённость и довольно кивнул: рожок был полон, патрон в патроннике. Подскочив к внешней двери – её уже открывали, – я наставил оружие на капитана и тихо сказал:

– Руки держим на виду. Пять шагов назад, руки на затылок, лечь лицом вниз. Быстро!

Спрыгивать с высокого кузова я не стал, всё же не в том был состоянии, поэтому, как только капитан выполнил мои приказы, осторожно спустился и наставил оружие на водителя, что уже достал из кобуры пистолет. Так что тот положил его на сиденье и покинул кабину. Целился я в него через открытую офицером пассажирскую дверь. Как только он лёг рядом с капитаном, я разоружил того, после чего пристегнул их своими наручниками к подножке автозака. Ключи от наручников взял у офицера, у конвойных их почему-то не оказалось.

С интересом изучая документы офицера, я удивлённо посмотрел на него:

– Ты Михальченко, сержант... Братья, что ли?

– Родной, – хмуро кивнул тот.

– Теперь понятно, почему тот на службе всё ещё. Прикрыл, да?

– Теперь не удастся, – ещё больше помрачнел тот. Понимал, что и сам попал под удар.

Дальше просто, собрал всё оружие и убрал в кабину, переоделся, загнал конвоиров в фургон автозака и запер там, после чего поехал в сторону трассы. Кстати, сержанта я снова раздел, позаимствовав у него форму, а у рядового фуражку и ботинки. Испачканные брюки снимать не стал, кто меня видит в кабине машины – только верх, этого хватило, а обувь была нужна, без неё везли.

Забрав по пути чемодан с вещами, я выехал на дорогу и погнал в Москву, именно там я и собирался спрятаться. Моими трофеями были два «макаровых» с водителя и офицера, а также два АК-47 конвоиров. К каждому было по три рожка. Как и в прошлый раз, забирать оружие я не собирался. Ещё не хватало, чтобы меня гоняли из-за него по всей стране. Честно говоря, у меня и своего хватало.

Добравшись до окраины Москвы, я загнал автозак в заброшенный двор домов, пригтовленных к сносу. Они уже без окон стояли и, хрустя битым кирпичом, подогнал машину к одной из стен. Уже был вечер, вот-вот стемнеет, но когда их найдут, я не знал, мало ли завтра напечёт, всё же внутри как в печке. Заглушив мотор, я пару секунд посидел, мысленно пробегая по своему телу, тестируя, можно сказать, после чего открыл дверь, осторожно ступил на усыпанную мелким кирпичом землю и стал расстёгивать пуговицы формы. Переоделся в свою одежду, которая была, конечно, немного помята, но в принципе чистая и пока носить до замены её было можно. Лишь обувь я оставил, моя на заимке осталась.

Форму я бросил на пол кабины, закрывая так оружие от чужого взгляда. Лишь все патроны я прибрал от пистолетов, пригодятся. Кстати, я также стёр свои отпечатки, после чего, проверив пистолет в кармане, уже свой, из схрона, с чемоданом в руке поспешил прочь со двора. Из фургона стучали, но я прикрикнул на них, предупредив, если что, дать очередь по ним. Кому повезёт, кому нет.

Мне пришлось дожидаться темноты, так что это время я провёл с пользой. Добрался до работающего водопровода, рядом была колонка, умылся и надел рыжий парик, чтобы соответствовать фото в документах. Потом родинку на место, проверка документов, ну а дальше стемнело, и я покинул двор. Кстати, конвоиры не видели, что я делал, к заднему борту, где было небольшое окошко, я не подходил.

Этот район Москвы почти весь готовился к сносу, так что я шёл по мёртвым улицам, глядя на скелеты старых домов. Даже не домов, скорее бараков, что массово строили перед войной и после. Прохладный ночной ветер немного освежил меня, но всё равно состояние было не очень, однако я крепился, и даже, изредка останавливаясь, посыпал свои следы табаком из распотрошённых папирос капитана. Нужно сбить собак со следа, а они точно будут.

Меня сильно мучил голод, я даже начал ощущать слабость от него. Всё же в последний раз ел утром, да и то, что не успело перевариться, просто вышло наружу. Частично я играл, частично мне действительно было плохо. Когда потянулся жилой район, я увеличил шаг, крутя головой. Мне нужна была машина, которую я собирался угнать. Чемодан, конечно, не такой тяжёлый, но всё же руку оттягивал, а я ещё не в той форме, чтобы долго носить даже такие тяжести. Да и свалить нужно было как можно дальше.

Пару машин я пропустил, нечего хватать первые попавшиеся, а продолжая углубляться в ночные улочки Москвы, – фонарей было мало, чуть ли не на ощупь шёл, – продолжал поиск машины. Мне повезло, я обнаружил «Победу», припаркованную на одной из улиц. Пощупав капот, я определил, что машину только что поставили тут, мотор ещё горячий. Быстро отмычкой открыв дверь, я сел в салон, убрал чемодан на заднее сиденье и запустил двигатель. Всего мне понадобилось шесть секунд, чтобы открыть дверь, и одиннадцать на замок зажигания. Я его даже вскрывать не стал, отмычкой завёл. Тёплый мотор сразу схватился, так что я включил первую передачу и спокойно, можно сказать, неторопливо тронувшись с места, поехал в конец

этой улицы. Мне нужно было покинуть Москву, этим я и собирался заняться, однако сначала требовалось заехать в круглосуточный магазин и сделать запас продуктов. В чемодане у меня ничего не было, да и в автозаке тоже, так что я оставался голодным.

Купив в круглосуточном магазине три буханки хлеба, пару банок консервов, немного специй, батон докторской колбасы, пару бутылок лимонада, пакет чая и пачку сахара, я отъехал от магазина и, едва сдерживая себя, накромсал ножом бутерброд и впился в него. Вот так утоляя голод, я достал карту и, подсвечивая фонариком, стал изучать её. Это была карта Москвы и Московской области. На ней были отмечены все стационарные посты ГАИ на сто километров от столицы. Дальше не было, карта заканчивалась. Так что задача у меня стояла такая: за ночь покинуть пределы Москвы и Московской области и встать на отдых где-нибудь в лесу. Бак наполовину полон, хватит горючего.

Закончив с поздним ужином – два бутерброда съел и сейчас на ходу добивал третий, – я, управляя машиной одной рукой, направился к окраине столицы, собираясь её покинуть. Вот так, оставив в стороне стационарные посты ГАИ, я выехал на дорогу, что вела в Брянск, и поехал на ней. В Киев, а я направлялся туда, собирался добраться на поезде, машина для меня лишь средство побега из города. Поиски, конечно, будут, причём против меня бросят противодиверсионные группы, но не такие, как если бы Брежнев был убит. Блин, я неверующий, но всё же слава богу, что он жив. Глюки, идите прочь.

Всё же мне удалось уйти за сто первый километр. Тут на краю карты был обширный лес, поэтому, заметив при свете фар съезд к нему, я съехал и, углубившись на сотню метров, остановил и заглушил машину. Бак почти пустой, но ещё на полсотни километров хватит. Замаскировав ветками машину, я забрался на заднее сиденье, убрал чемодан вперёд и спокойно уснул. Мне действительно требовался отдых, чтобы прийти в себя. В этой ситуации, в которую я попал, меня фактически устраивало всё. Главное, я свободен, остальное не важно. Лишь одно я принял как данность: больше в руки советского правосудия я попадать не хотел, то есть если у местных сыщиков будет шанс взять меня, отбиваться буду до конца, а последнюю пулю поберегу для себя. Тюрьма – это не для меня.

Утром, намочив руки росой, я протёр лицо, так умывшись, и сделал ещё бутербродов. Стал неторопливо завтракать, обдумывая свои шаги. Проспал я всего четыре часа, но мне хватило, нужно было торопиться. Сознание был ясным, чувствовал я себя в принципе хорошо, хоть и не отлично, так что ещё побултыхаемся, взбивая масло.

В Брянск двигаться мне пока не следует, на поезд можно сесть и на ближайших станциях, как и планировал, и дальше двигаться до Киева, но нужно немного поработать с документами. Командировочные-то у меня в Москву, а тут Киев.

Позавтракав, я открыл бутылку лимонада и попил. После этого достал карту, вторую уже, всего Союза, и примерно прикинул, где проходит ветка железной дороги на Брянск, а потом и Киев. Закончив изучение карты, тут, похоже, километров двадцать будет до ближайшей станции, я занялся документами. В этом чемодане у меня был набор юного поддельных дел мастера и все необходимые бланки. Так что я за час успел нарисовать себе новое командировочное на вчерашнюю дату и даже немного обмять его, как будто носил его в кармане. Всё, как и положено.

От машины я избавился просто, загнал в реку. Свидетелей не было, так что, побулькав пузырями, та ушла на дно, ну а я, поправив висевший на плече на длинном ремне портфель, взял в левую руку чемодан и энергичным шагом направился в сторону ближайшей железнодорожной станции. Во всей этой истории я сожалел только об одном, что та удобная и разношенная обувь осталась на заимке, эти ботинки были мне велики и была вероятность, что я соблюю ноги в них, но без обуви было ещё хуже, так что пришлось приноравливаться и идти. В принципе ничего, к обеду вышел к селу, довольно крупному, и прошёл к станции. Там купил билет

на ближайший поезд до Киева, это был ночной, и направился на поиски обувного магазина. Ботинки нужно было менять.

Обувного в селе не было, но был небольшой рынок, где торговали всякой всячиной, именно там я завис и именно там приобрёл всё, что нужно. В чемодан отправился трёхлитровый котелок, старое, но чистое одеяло, тарелка с ложкой, вилок, ножом, ну и специи, конечно же. Там же купил крепкие и разношенные ботинки, они мне были по ноге, пачку носков, кожаную куртку, ну и кепку. Брюки поменял, купил новые чёрного цвета. Подумав, и пару запасных рубах взял, хотя покупка куртки и съела немалую часть моих денежных запасов. Однако надо, холодно бывает по утрам.

Помимо этого я накупил пирожков, свежих овощей и всего того, что пригодится путешественнику. Кстати, я взял купейное место. Верхняя полка.

В общем, наполовину потратив свои средства, я покинул рынок. А он находился у станции, видно, большая часть покупателей была с поездов, что стояли тут до десяти минут, и засел в буфете, где продолжил ждать. Меня никто не трогал, я так сидел и спокойно дожидался темноты. Лишь одно я не делал: не покупал местную еду, – пообедал и поужинал купленными на рынке пирожками, закусив их огурцами и луком. Хорошо и вкусно. Хотя нет, всё же соврал, купил в буфете чай и розетки с зефиром, свежие и вкусные. Их только принесли, и я не смог удержаться.

Поезд подошёл вовремя, в час ночи, я в небольшой толпе также направился на перрон, там нашёл свой вагон, предъявил билет проводнику, у меня был мужчина, и был, как и трое других новых пассажиров, сопровожден в купе. Один из пассажиров оказался моим попутчиком по купе, его была нижняя полка. Стараясь не разбудить ещё одного пассажира – четвертое место было свободным, – мы положили вещи на багажные полки, после чего получили от проводника слегка сыроватое бельё, застелили, за это время всё же разбудив пассажира, парня лет восемнадцати на вид, познакомились, ну и уже тогда легли спать. Тот, что сел со мной на одной станции, предложил для знакомства водочки, но мы с парнем отказались, так что, выключив свет, мы уснули.

За ночь мы проскочили Калугу, Брянск, и к утру уже тихо шли по окраине Киева. Пока паренёк бегал за чаем, мы собрали всё, что было на завтрак. То есть всё, что у меня оставалось, у других запасы поболее будут.

– Сам откуда будешь? – спросил полный пожилой и усатый мужчина, тот, что со мной сел, у молодого парня. Его Сергеем звали, тёзки по моей легенде.

– Москвич, – гордо ответил тот. – В милиции после армии работаю.

Я, как и толстяк, удивился, парень выглядел моложе.

– Два месяца уже, водителем, – пояснил тот, заметив наше удивление.

– Понятно, – усмехнулся я. – Ты, оказывается, не только тёзка мне, но ещё коллега. Тоже в Киев по работе?

– Не-е, на похороны еду. Бабушка у меня умерла. А вы кем работаете, где?

– Уголовный розыск.

Особо я распространяться не спешил, да и мало разговаривал с попутчиками, играя молчаливого бирюка.

– О, серьёзно, – кивнул тот и тут же добавил: – Сейчас за чаем к проводнику бегал, так узнал, что документы проверяют. Три наряда на последней станции село.

– А, это побег был в Москве, – махнул я рукой. – Обычные розыскные мероприятия.

– А что за побег, кто сбежал? – тут же заинтересовался тёзка, который, похоже, был не в курсе моего побега, но ответить ему я не успел, в дверь постучались, и она отошла в сторону. В коридоре стоял сержант милиции. Козырнув, он представился:

– Младший сержант Никаноров. Транспортный отдел милиции, попрошу предъявить ваши документы.

Особо разоблачения я не боялся, родинка на месте, я её перед сном снимаю, а утром надеваю, точно на нужное место, чтобы с фото в документах соответствовало. Мы с тёзкой прошли проверку нормально, а вот к попутчику сержант прицепился было. Оказалось, усатый был из недавно освобождённых по УДО, но к счастью, у него было разрешение участкового покидать село, так что разобрались. То-то он так насторожился, когда мы познакомились, да и представился трактористом. Судя по статье, он кого-то убил. Особо мне было не интересно узнать, кого, но тёзка насел на него, и тот пояснил. Задавил во время погрузки трактором спавшего в стогу сена напарника. Причём трезвым был. Несчастный случай, но три года колонии дали. Отсидел два.

Мы успели позавтракать, пока поезд заходил на станцию, сдать бельё и посуду, так что когда поезд замер у перрона, я следом за остальными пассажирами – шёл в середине приезжих – покинул вагон, осмотрелся, и энергичным шагом направился к выходу. Тёзку тут встречала родня, усатый куда-то пропал, так что, покинув вокзал, я отошёл подальше и тормознул частника.

– Куда? – спросил тот.

В городе мне могли встретиться знакомые, закон подлости ещё никто не отменял, и хотя я довольно сильно изменил свою внешность, меня могли узнать. Поэтому я решил не рисковать, а сразу заняться делом. Было шесть утра, у меня достаточно времени, чтобы подготовиться. Частник довёз меня до окраины, где и оставил. Дальше просто. Пользуясь тем, что на улицах пока мало народу, город только просыпался, я спрятал чемодан в кустах сирени и направился на поиски средства передвижения. Использовать я его собирался довольно продолжительное время, так что выбор должен был быть хорошим, я бы даже сказал, качественным. Не хочу заниматься ремонтом в полевых условиях, тем более при отсутствии запасных частей.

В одном дворе я заметил три машины, что накрыты автомобильными чехлами. Под одним стояла «Победа», машина неплохая, но слишком прожорливая. Под другой был «Москвич», причём древний, как яйцо мамонта, ну и под третьим – зелёный «запор», вот его-то я и взял. Тем более чехол был замусорен, что ясно показывало, что машину давно не трогали. Перебросив чехол на соседний «запор», я проверил машину и запустил давно стоявший мотор. Машина оказалась в порядке, в этом мне повезло, так что спокойно выехал со двора, из которого уже начали выходить первые жители. Кто детей в садик повёл, кто на работу шёл. Хорошо, машина стояла в глубине двора, и на меня особо не обращали внимания. Это в плюс.

Забрав свои вещи из кустов, я заехал на заправку, бак был практически пустой, на доньшке, и заправился под пробку. Более того, купил у заправщика канистру, переплатив вдвое, и залил её под завязку. После чего проехал в нужный район – тут рядом находился дом родителей, – припарковал машину в тени дерева – место укромное, – перебрался на заднее сиденье и, достав из чемодана нужные бланки, стал рисовать поддельные документы на машину. Номера я сменил, так что писал на них. А сделал просто. Заметив машину со схожим номером, но всё же другим, я просто перекинул номера с «запора» на тот «Москвич». Правда, по только что написанным документам у меня значился другой номер, но что мне – трудно из тройки сделать восьмерку, а единицы четвёрку? Сейчас времени нет, сплущу, а вот покину город, сделаю. Ладно хоть, на подделку документов время нашлось.

К восьми, как и ожидалось, вдали на улице показалась «Волга» отца, та зелёная, первая моя, подаренная потом батю. Он доехал до садика, который я караулил, и припарковался. Наблюдая, как тот неловко выбрался из машины, припадая на один бок, с клюкой в руке обошёл машину и стал помогать моим дочкам выбираться из салона на улицу, я вздохнул. Родные мне люди. Батя помочь не успел, дочери уже открыли дверь и егозами скакали у неё. Закрыв

дверь, он замер на секунду и обернулся, пристально меня разглядывая. Я стоял на другой стороне улицы, но он всё равно меня узнал.

Пока тот ехал и парковался, я вычислил топтунов. Машина была одна, старая на вид «Победа». Так что пока отец парковался, я покинул свой «запор» – тот стоял в переулке и не бросался в глаза – и легкой походкой вышел на улицу к садику. Проходя мимо машины топтунов – её как раз покидал один, – вырубил сперва его, закинув обратно в салон бессознательное тело, а потом ударом по затылку погасил сознание и у второго, водителя. Их было всего двое, уже хорошо. Особо на нашу возню никто не обратил внимания, хотя молодых родителей, что вели детей в садик, хватало. Так что, посадив топтунов так, как будто они просто отдыхают, я покинул машину и встал у капота, вот тогда-то батя меня и заметил. Он-то меня знал, так что, несмотря на маскировку, опознал сразу по тысяче мелких деталей.

Махнув ему рукой в приветствие, я перешёл проезжую часть и подошёл ближе.

– Привет, батя, – подойдя, обнял я отца, тот тоже похлопал меня по спине, крепко обнимая. – Осьминожки, привет.

Дочки поначалу настороженно разглядывали меня, прятаясь за деда, но так называл их только я, голос узнали, да и внешность тоже, так что с радостным визгом бросились ко мне в объятия. Пришлось присесть, чтобы подхватить их всех троих на руки.

– Какие тяжёлые стали, это вас бабушка так откормила? – спросил я под их хихиканье.

– Мы уже в старшей группе, – похвалилась Женя. – Скоро в школу пойдём.

Александра, Евгения и Максимилиана очень радовались моему появлению и, перебивая друг друга, стали со щебетом рассказывать, как они скучали и хотели видеть папу. Судя по загару, недавно дочери и батя вернулись с Чёрного моря после традиционного семейного отдыха.

– Давно от бабушки приехали? – спросил я батю.

– Неделю уже как, – после чего немного помолчал и неуверенно спросил: – Ты, значит, сбежал?

– Да, сидеть пятнадцать лет желания у меня не было.

– Пятнадцать лет?! – ахнул батя.

– Я тоже был удивлён, но именно пятнадцать дали, вот и, вырубив конвой, сошёл с этого пути. Батя, жизни мне тут не дадут, так что я забираю дочек, вас, и хочу уходить за границу. Времени мало, решай быстро.

Батя молодец, проанализировал ситуацию и покачал головой. В принципе я этого ждал и просто предложил наудачу.

– Вот что я тебе скажу, сынок. Ты езжай, забери внучек и езжай, я знаю, ты сможешь уехать, но мы не поедём. У меня тут семья, все родственники, друзья фронтовые, наконец. А вот брата с женой тебе лучше забрать, житья ему не дадут, затравят.

– Лады. Сейчас я забрать его не смогу, обузой будет. Пусть живёт в моей квартире, переоформит её на себя. Я собираюсь инсценировать свою гибель, так что всё законно. Машина моя, я так понимаю, и так у него.

– Да. Он забрал её, как ты и просил, когда тебя арестовали, да и в квартиру переедет. Думаю, со службы его попрут, пока там будет жить.

– Ладно, батя, уговаривать тебя не буду, вижу, что ты всё решил и это не спонтанное решение. Толю предупреди, чтобы ждал, я обязательно за ним вернусь. А сейчас давай прощаться, сам понимаешь, времени у нас остаётся очень мало.

– Это да.

Мы пообнимались, прощаясь, дочери, уже зная, что уезжают со мной, тоже прощались. Отец обнял каждую из внучек, поцеловал на прощание, я знал, что они были его любимицами. Перед тем как уйти, я сказал:

– Где в квартире у меня сейф, ты знаешь, где запасной ключ – тоже. Там все документы и мои награды прибери, как память будут. Счета потом переведите на себя, там солидные суммы. У нотариуса все документы, его данные ты знаешь.

– Хорошо, – кивнул он и со слезами на глазах провожал нас, пока мы шли к «запору».

Чтобы не привлекать внимания, он сел в машину и поехал домой, мы помахали ему вслед, он в ответ посигналил, после чего мы сели в машину, дочек я устроил на заднем сиденье и, выехав из переулка, поехал к выезду из города. В поезде с дочками мне делать нечего, сразу вычислят, слишком приметные они, а вот на машине, не торопясь объезжая по просёлочным дорогам все посты, можно спокойно добраться до Ленинграда, а ехал я именно туда. В течение одного, а скорее всего двух месяцев меня будут активно искать. Конечно, можно пересидеть где-то в укромном месте и уже спокойно вернуться, но к чему? Если есть время, то можно покинуть страну и легализоваться за границей, получив там настоящие документы. Есть люди, которые легко это пробьют. Я про тех двух юристов, нанятых мной за проценты по патентам. Оба довольно крупные игроки и нужные связи имеют. Получу французские документы на себя и дочек, и тут же через посольство попрошу сменить его на штатовские. Да-да, я подумывал перебраться в Штаты. В принципе можно обойтись и приобрести документы, но уже коренного американца четвёртого поколения в самих Штатах, поддельные, но всё же. Нужно подумать. Хорошо, у меня все деньги с патентов шли на номерные счета, и требовался лишь специальный код, чтобы получить доступ к счёту, и кроме меня его никто не знал. У меня, конечно, есть сбережения, большая часть, естественно, заморожена в Сбербанке, но и часть валютой находилась в схроне. Заберу это всё, и в бега. Думаю, денег хватит. Не думаю – уверен в этом.

До того как покинуть Киев, чувствуя, что утекает время – скоро топтунов обнаружат, я их крепко вырубил, – мы заскочили в магазин детской одежды, всё же дочек я, можно сказать, неподготовленными перехватил, без вещей, и эти вещи нам были нужны. Пока мы ехали, те щебетали, не умолкая, Женька так вообще ко мне на колени перебралась и довольная млела. Я многое узнал из их жизни, как они отдыхали на море, как вернулись и вот уже три дня как ходили в тот садик, где обзавелись новыми друзьями. В общем, огромное количество информации на меня одного. Я даже слова вставить не мог, лишь когда подъехали к магазину, я выпустил их и велел идти за собой.

Магазин только открылся, но это не мешало сонной продавщице выдать нам комплект детского девичьего белья, каждой по паре штанишек, шорт и рубаш. Платья у них и так были, они в них в садик приехали. Взял я также пару полотенец, обувь дополнительную и, главное, в соседнем отделе детский горшок. Вещь в походе нужная, поверьте мне. Одного пока хватит, по очереди ходить будут. Как ожидалось, продавцы тут тоже торговали дефицитом из-под прилавка, так что я дополнительно купил у них два куска мыла с яблочным ароматом, детские зубные щётки, расчёску и зубную пасту. Она и для взрослых годилась, но зубная щётка у меня была. В общем, собрались хорошо. Покинуть город мы вполне успели и стали от него удаляться. Потом, спрятав машину в посадке, я сходил в деревню, где в сельском магазине накупил продуктов. Детей и машину я не светил. Ну, а дальше мы так и ехали, больше всё просёлками, не выезжая на трассу. К вечеру мы проехали половину дороги, после чего я вернулся на трассу. Документы теперь были в норме, номера я переделал, чтобы соответствовало написанному в документах на машину. Более того, написал ложные метрики для дочек. Теперь у меня было две дочки и сын, Максим, так что я убедил Максимилиану убедительно играть мальчика. Не пригодилось, за всё время нас ни разу не остановили, хотя пару раз мы и проезжали мимо постов, где не смогли объехать.

За час до темноты я свернул с трассы, Москва уже осталась за спиной, мы ехали по трассе на Ленинград и, немного проехав по полевой дороге, заехали в лес. На опушке я вставить не стал, а проехав чуть дальше и найдя малоезженую, я бы даже сказал заброшенную лесную дорогу, загнал свою крохотную машину вглубь, пока не убедился, что техника и лагерь с воз-

духа не просматриваются. Да-да, я видел вертолёты и уверен, что даже с неба ведутся поиски, однако, несмотря на то что мы давно ушли из зоны поисков, я всё равно осторожничал, всё же не один.

За время пути мы питались в основном бутербродами. Так что на ужин я решил приготовить горячее, сварить суп, хлеб у нас был. Канистра с водой имела, в пути купили в хозяйственном магазине, тоже, кстати, из-под прилавка, а наполнили, предварительно помыв, на ближайшей колонке. Так что, достав купленную в том же магазине, где и канистра, складную лопатку, я вырыл ямку и развёл бездымный костёр, пока мои осьминожки бегали вокруг, изучая местность. Горшок я уже достал и поставил отдельно, если захотят, знают, где. В принципе в дороге по этому делу мы останавливались часто, так что уверен, терпеть не будут. Пока над костерком булькал котелок с водой, я всё приготовил. В машине решил расположить дочек, одеяло им пойдёт, а сам, укрывшись курткой, устроюсь на земле, нарубив маленьким топориком лапника. Топорик я приобрёл там же, где лопатку и канистру. Правда, после вкусного и горячего ужина, когда дочек разморило, выяснилось, что отдельно устроиться мне не удастся, им хотелось спать с папой. Так что я подумал, и мы уснули прямо в салоне машины. Хитрая и быстрая Саша успела устроиться на мне, ну а две остальные дочурки рядом. Одеяла хватило, большое было, всех укрыло.

Утром мы позавтракали вчерашним разогретым супом, его было немного, так что я потом ещё и чай вскипятил с бутербродами, мы собрались, заняли свои места в машине и, покинув лес, направились дальше. На ближайшей заправке я залил полный бак, снова пополнил опустевшую канистру.

Гнать прямо по трассе я не спешил. В основном по просёлочным двигался, по второстепенным, но всё же в сторону Ленинграда. Это, конечно, заметно сказывалось на времени и скорости движения, но в принципе я действительно не спешил. Кто-то скажет, что я зря направляюсь в Ленинград, да у меня там есть знакомый отлаженный контрабандный канал, о котором в комитете наверняка знают, так ведь я на него и не рассчитывал. Перед арестом я стал пользоваться другим, недавно созданным каналом. Уверен, он пока был известен малому числу людей, так что именно так, морем, я и собирался покинуть территорию ранее родной страны. Схронов на корабле хватало, главное, чтобы он был на месте. Если нет, подождём, не страшно.

За двадцать километров до Ленинграда я съехал с трассы, так как уже километров тридцать ехал по ней, сокращая расстояние, и дальше ехал второстепенной дорогой. Так мы и передвигались, от села к деревне, от деревни до другой деревни, пока не оказался на окраине города. Постов тут не было, так что, незаметно для следящего органа Союза, я оказался в нужном мне городе. Можно сказать, в конечном пункте. Кстати, пока мы по окраине пробираемся к порту, стоит упомянуть об одной особенности, которую я пока не озвучивал. Дочек я учил английскому с полутора лет, как они говорить начали, так что за эти четыре года они вполне научились на нём разговаривать, по крайней мере всё прекрасно понимали. Поэтому, ещё отъехав от Киева, я сказал им, что мы будем теперь разговаривать только на этом языке, чтобы, мол, они учились дальше, не забывали его. Ну, мы и учились. Дочкам, конечно, было сложно, они постоянно путали английские слова, заменяя их русскими, но главное дело шло. Ничего, за пару месяцев они восстановят знания и наберутся новых, уж я-то позабочусь. Да и ещё о причинах выбрать для жизни Штаты. Причины были. Например, сейчас они ещё не успели оскотиниться до тех, что я помнил в будущем, то есть нормальные люди, более или менее нормальная страна, главное, чтобы дочки росли хорошими людьми. Дальше видно будет. Ну, и образ жизни в Штатах мне импонирует, и я бы даже сказал, привычен. Да-да, он мне был ближе, чем в Союзе. Я, конечно, и тут неплохо устроился, однако множество ограничений всё же сказывалось. В общем, я хотел перебраться в свободную страну, где всё можно, и Штаты меня вполне устраивали. Хочешь самолёт – пожалуйста. Яхту – так только плати. Не-е, в Союзе мне всё же душно.

Думаю, я давно бы свалил, если бы не семья и дочки, из-за них держался, прикипел душой, а сейчас всё, без шансов, только рывок на волю. Задыхался я тут. Правильно про Союз кто-то сказал: эта страна – одна большая тюрьма со множеством мелких. Выйдя на свободу из зоны, ты оказываешься в другой зоне, которую некоторые принимают за свободу. Нифига подобного, тут всё от размеров зависит.

Когда вдали показались портовые краны, первый признак приближения порта, я свернул с улицы на параллельную и направился по ней. Тут были дома частной постройки, дальше окраина и дачи жителей города. В этих районах я плохо ориентировался, но мне это было и не нужно. Причина банальна: я искал место, где смогу переждать с дочками некоторое время, желательно заброшенный с недавних пор дом. Такой попался один, но он мне не подошёл, по приусадебному участку было видно, что за ним ухаживают, хотя дом и осмотрел. Женька меня давно уже теребила за рукав, просясь в туалет, долго терпела, вот и сводил её, пока никого не было, а берлогу я нам всё же нашёл. Сделал просто: купил газету и в разделе объявлений нашёл, где сдают комнаты, квартиры и дома. Во многих объявлениях предлагалось жить с хозяевами, то есть они помещения сдавали, что меня не устраивало, так что я искал отдельное помещение без присмотра чужих людей. Нашёл один такой, даже не дом, а дача на окраине. Сдавали её недорого, хозяева находились за границей, как я понял, они были из министерства торговли. Квартиру уже сдали, сейчас и дачу нам пристроили. Мы доехали до места, оформили всё, и я уплатил сразу за месяц вперёд. Родственники хозяев уехали, а я с детьми, закончив изучать дачу, у неё было три жилые комнаты, стали разгружать машину – я загнал ее на участок и поставил у сарая.

Уже вечерело, когда я оставил детей одних – взрослые, уже четыре с половиной годика, приученные – и покатыл в порт. Через час у меня уже была необходимая информация. Не через свои старые связи узнал – у одного работника порта, – что французский сухогруз, работавший на постоянной линии Кале – Ленинград, ещё не пришёл. Дня через четыре ожидается. Парня я встретил в точке общепита, где он накачивался пивом, так что информация получена из сторонних источников. Я ещё походил по соседним пивным и получил ту же информацию. Подтвердилась, значит.

Когда я вернулся, все три дочки сидели в большой комнате и рисовали раскраски. Думаете, почему я их в таком возрасте одних оставил? Да всё просто, есть у них такой пунктик, раскраску дашь – три-четыре часа полной тишины гарантированы, любят они это дело, знай цветные карандаши покупай и затачивай. Я об этом прекрасно знал, и всё, что нужно, заранее купил. Ещё там, в Киеве, а тут пригодилось. По возвращении я заскочил в магазин и купил продуктов на неделю, так что пока дочки продолжали заниматься своими делами, пришлось отвлечься, чтобы поточить карандаши, и приготовил ужин. Вот так вот мы и добрались до Ленинграда. Осталось только дожждаться. Дождаться возможности обрести свободу.

Следующие четыре дня прошли вполне нормально, я ждал прихода участкового, он мог проверить, кто заселился на подведомственной ему территории, однако тот так и не появлялся. Это хорошо. За эти четыре дня, докупив всё, что надо, водил по одной дочек в разные парикмахерские и сменил имидж, теперь у них были стрижки-каре. Короткие такие, почти мальчишеские.

Нужный сухогруз пришёл ещё ночью, я узнал это от своего осведомителя, завербованного на днях. Удостоверения сотрудника милиции вполне хватило. Он и сообщил о прибытии нужного судна. Как я уже говорил, эти дни я не сидел на месте ровно, вернее хорошо так поработал. Теперь у меня были документы на гражданина Франции Мишеля Лурье, со штампами таможенного контроля разных стран, то есть я успел попутешествовать, и сделал метрики своим дочкам. Звали их теперь по новым документам Жанна, Мишель и Алекс. То, что они не

говорят на этом языке, меня волновало мало. Главное документы есть, это важно. Даты рождения вписал настоящие, мудрить тут не стал.

Думаю, стоит пояснить, как образовался этот стабильно работающий канал. Я ведь не раз приезжал в Ленинград встречать свои особо важные грузы, родственники через меня много чего заказывали, так вот, там я познакомился со старпомом этого корыта, выпил с ним пару раз – ну, мы после знакомства и создали этот канал. Не так просто, сперва он мне по мелочи заказы доставлял, пробовали, как пойдёт, а потом уже серьёзный поток грузов пошёл. Тот, что основной, меня излишне напрягал. Часть заказов, что я делал, мои партнёры или не спешили выполнять, или отказывались, объясняя невозможностью, а этот Франциск доставлял всё, что нужно. Он даже организовал несколько схронов на борту и хвастался, что не только крупногабаритные грузы прятать может, но и людей. Намёк был понятен, так что воспользуемся этим.

Сегодня встречаться не будем, пока разгрузка идёт, а за неё как раз старпом отвечает, лучше к нему не лезть, а вот когда он сойдёт на берег отдохнуть – у него обычно около суток бывает, а если какой груз задерживается в пути, то и больше, – там и пообщаемся. Так что этот пятый день я посвятил сборам. Машину утопил в болоте, так что при нас остался чемодан и тот портфель, больше, в принципе, и не надо. Одежда у меня одна, хватает пока. Все детские вещи в чемодане, документы в портфеле. Прорвёмся.

К счастью, всё получилось, и сейчас я слушал шум судового двигателя, находясь в тайнике, что располагался в схроне ниже ватерлинии, рядом с машинным отделением. Встреча с Франциском, что произошла три дня назад, прошла нормально, тот не удивился моему желанию покинуть страну, озвучил сумму за нас четверых, просил в советских рублях, видимо, что-то тут хотел купить, и ночью, в обход погранцов и таможенников, провёл к себе на борт. Не по пирсу, лодку небольшую использовал и по верёвочной лестнице помог подняться на судно, жалуясь, что трап излишне сильно охраняют. Укрыв нас в схроне, он указал, как тут работает туалет: всё замкнуто, идёт в отдельный бак, поэтому постоянно попросил не использовать, не то переполнится, а освободить до стоянки в порту он его не сможет. Палиться перед командой не хотел. Врёт, скорее всего, наверняка кто-то из команды был в доле. А так душ тут тоже был, и две койки. Он реально подготовился к тому, что будет вывозить людей. Просил он за это нехило, я бы сказал, очень нехило. Судя по новизне, мы были у него первые, чем его изрядно обрадовали: видимо, он радовался, что не зря старался.

Вот так мы прожили с дочурками два дня в этой небольшой, но в принципе уютной каюте без иллюминаторов, после чего судно покинуло порт и теперь шло в нейтральные воды. Уф, неужто получилось? Ещё раз вздохнув, в этот раз с облегчением, я поднял книжку и продолжил читать сказку на английском языке. Время было вечернее, пора укладывать дочек. Ужин был хороший, старпом принёс, хотя у нас и своё есть, НЗ, так что норма. Отравить или усыпить никто нас не пытался, везут к свободе, так что почему не радоваться? Я и радовался. Схроны, что сделал в Ленинграде, подчистил, я теперь при деньгах и документах. Есть чему радоваться, но пока загадывать на будущее всё же не буду, примета плохая.

* * *

Рейс сухогруза был прямой, без заходов в другие порты, поэтому спустя одиннадцать дней судно вошло в порт. Самое сложное было ждать. Не мне, дочкам. Ох и пришлось покрутиться, чтобы занять их. Ничего, справился, хотя и пришлось по несколько раз проигрывать одно и то же, но им даже нравилось. Разве что из-за отсутствия солнца страдали. Потом мы ещё два дня находились на борту, пока старпом, наконец, не пришёл за нами. Он и так приходил: когда еду приносил, когда мусор в мешке уносил, пустые консервные банки, там, и остальное, – но сейчас всё, конец морскому путешествию.

– Капитана на борту нет, минимальный экипаж, да и тем я разрешил выпить, так что не помешают. Идём.

– Разгрузиться успели? – поинтересовался я, помогая дочуркам покинуть тайную каюту, а потом и чемодан подавая. Тут порог высокий был. По пояс.

Старпом его принял и также поставил на решётчатый пол перехода. Тайник был сделан с умом, честно признаю, но вот чтобы без осведомлённости капитана – хм, сильно сомневаюсь. Хотя смотря какой капитан.

– Нет, встали в очередь на разгрузку, но это через три дня будет. Были проблемы с судовым двигателем, мелкие, поэтому управились за полтора дня. Час назад команда сошла на берег, капитан ушёл раньше. Вахта в кают-компании, отдыхает.

– Ясно.

– Ты уверен, что моя помощь во Франции не требуется? Может, ещё одежды принести?

– Уверен, сам разберусь. А одежды и этой хватит. Простая, конечно, но зато не советская, та излишне много внимания привлекает, всё же отличается по фасону и пошиву.

– Ну, если что, как меня найти, знаешь, мы тут будем ещё пару недель, потом новый рейс в Советский Союз.

– Буду иметь в виду, спасибо, – кивнул я.

Пока мы общались, я поправил портфель и взял в руку чемодан, а старпом закрыл схрон. Убедившись, что тайник снова стал малозаметен, он повёл нас по переходам наверх. Через жилую палубу уже на верхнюю, к трапу. В этом порту таких манипуляций с тайным проникновением на борт совершать не требовалось. Не было такой подозрительности, как в Союзе. Там мы спустились по нему на пирс, а от судна уже направились к выходу. Дочки у меня сонные были, но пока шли, немного пришли в себя и с интересом и некоторым испугом оглядывали залитый светом порт. Несмотря на то что была ночь, тут всюду шли работы, порт-то круглосуточный.

Особо на нас не обращали внимания, мы со старпомом шли вместе, перед нами бежали мои дочурки, изредка оборачиваясь, не отстали ли мы, так что до выхода из порта мы дотопали быстро. Не того, что официальный с воротами и остальным, нет, оказалось, и тут были тайные ходы, и через один из них старпом и вывел нас за территорию. Там мы попрощались, пожав друг другу руки, и разошлись, я направился вверх по улице, мне нужна была гостиница, а Франциск обратно к себе на судно. Каждый выполнил свои обязательства, и мы были довольны друг другом.

Как я уже говорил, одеты мы были в местную одежду. Нам её вовремя Франциск принёс, по моему заказу. Для девчат платья по размеру и обувь, мне лёгкую одежду. Брюки и рубашку, ну и туфли итальянские. Всё советское он забрал, пообещал избавиться. Я лишь часы оставил наручные да пистолет с боеприпасом.

По советскому времени была полночь, а тут едва стемнело, именно поэтому дочки чуть ли не спали на ходу, но всё равно шли рядом. Женька ухватилась за мою свободную руку, остальные держались за неё, стараясь не отстать. Шёл я быстрым шагом, так что порт остался далеко позади. За полчаса мы прошли больше километра по узким улочкам города. С учётом того, что порт находился не в самом городе, а на окраине, мы удалились прилично. Пару раз нам попадались гостиницы и отели, но я игнорировал их, слишком близко к порту, мне хотелось уйти подальше. Наконец я заметил ещё одну светящуюся в ночи вывеску. Похоже, отель занимал весь первый этаж пятиэтажного жилого дома. Я прошёл через открытый проём в фойе. Была духота. Я остановился у стойки, где, отпустив руку дочки, стукнул по звонку. Достаточно быстро из комнаты за конторкой вышел сонный мужчина лет сорока пяти в майке. Судя по следу на щеке, он только что спал.

– Доброй ночи, месье, – поздоровался я. – Мне бы хотелось снять одиночный номер с большой кроватью и ванной.

– Есть такие номера, – кивнул он. – Ваши документы.

Записал он не только меня, но и дочек,годились метрики-то. Так что уже через двадцать минут, искупав дочурок в ванной и уложив их спать, я сначала отнёс всю нашу верхнюю одежду в прачечную – портёе сообщил, что их гостиница оказывает такие услуги, вернуть должны утром выглаженными, – после чего принял душ сам и тоже завалился спать. На полу, потому как дочери разметались по кровати так, что свободного места там уже не оставалось, так что я завернулся в запасное одеяло и спокойно уснул.

Утром меня разбудили дочери. Сначала я услышал их возню в ванной, потом и меня растолкали. Проснувшись и пообнимав Максимилиану, та довольная хихикала, я узнал, что там с нашей одеждой. Это у меня она была в единственном экземпляре, а вот дочек одел в запасную одежду, сначала умыв в ванной. Получил выстиранную и выглаженную одежду, оделся, и мы сходили на завтрак в кафе. Вполне пристойно, тосты с маслом и сыром, а также чай. Для утра вполне нормально. Главное, всё свежее и вкусное, булочка ещё горячая, только из печи, и свежее масло буквально таяло на ней. Ну очень вкусно, дочери вот даже переели и осоловели.

Вернувшись в номер, я ненадолго задумался, после чего собрал все вещи и покинул с дочками гостиницу. Оплачено было за один день, и задерживаться тут я не собирался. Дальше просто: на такси – я машину поймал на улице, не хотел, чтобы портёе знал, куда мы едем – добрались до железнодорожного вокзала. Там в кассах не трудно было приобрести билеты до Парижа, и вот, уже в обед, заняв свои места, мы выехали в столицу этой страны. Не то чтобы мы так по счастливой случайности успели вовремя, ещё на стойке у портёе я стянул рекламу с расписанием поездов, так что знал, во сколько отправка. Ну, а в Париже мы были уже вечером, за два часа до наступления темноты.

У вокзала трудно поймать такси, тем более с прибытием поездов их расхватывают быстро, но я в принципе не собирался этого делать, так как знал, что неподалёку располагается фирма по прокату автомобилей, а так как машина мне была нужна, я сразу с вещами и дочками направился туда. Фирма работала допоздна, если не круглосуточно, так что получить машину можно было в любое время. Да и права у меня были, тоже поддельные, но кто об этом знал?

К счастью, фирма находилась на том же месте, за пару лет ничего не изменилось, да и сотрудник никуда не отлучился. Он быстро оформил аренду на неделю – смысла брать на большее время у меня не было, – так что уже через полчаса мы покинули огороженную территорию фирмы по прокату на сером годовалом «жуке» с железной несъёмной крышей. Хорошая машина и привычная мне. Особого выбора не было: сезон, город туристами наводнён, но всё равно я взял то, что хотел.

Дочки с интересом глядели в окна и, охая-ахая, тыкали пальцами в прохожих и здания. Им всё казалось необычным и непривычным. Ничего, завтра свожу их к Эйфелевой башне, там им больше понравится. Ехали до Парижа мы в общем-то недолго, но всё равно успели поужинать. Пообедали ещё перед посадкой в кафе на вокзале, а поужинали в поезде. Я взял с собой небольшой запас, купил в том же кафе, так что, расстелив платки, мы спокойно перекусили сидя в креслах. Да-да, тут не было купе или плацкарта, а были только сидячие места. Если вспомнить, что страна не такая и большая, этого вполне хватало.

С учётом того, что сейчас как раз было время туристов, можно сказать бархатный сезон, найти в центре города свободный гостиничный номер не представлялось возможным, да и мне не особо хотелось тут мелькать, поэтому я правил на окраину города. Там тоже гостиниц хватало, и можно было устроиться вполне комфортно и не так дорого, цены в простых гостиницах не заламывали. В магазине, можно сказать газетном киоске, я купил карту города с адресами всех гостиниц и отелей, даже самых зачуханных, а их было много, больше пяти тысяч, так что я поехал сразу по адресу. Гостиница была небольшой, двухэтажной и располагалась в отдельном

здании, без всяких пристроек. Всего сорок номеров и небольшое кафе на первом этаже, по летнему времени частично вынесенное на улицу.

Припарковав машину, заглушил хорошо поработавший мотор – кстати, надо заправиться, бак почти пуст, – я повернулся к дочкам:

- Сидите тут, папа сейчас вернётся.
- Я в туалет хочу, – заняла Александра.
- И я, – завторила ей Женька. Максим молчала, но сопела сочувствующе.
- Сейчас всё будет, только номер сниму.

Оставив детей в машине, я быстрым шагом прошёл в фойе и к стойке. Портье был на месте, так что регистрация прошла без проблем. Дочек он не регистрировал. Просто отметил, что я не один, «+3», вот и всё. Номер я снял из самых дорогих, с двумя спальнями и гостиной. Оплатил за неделю вперёд. Если потребуется раньше съехать, часть денег могут вернуть, это я уточнил. Ну, или дольше проживу, доплачу.

Получив ключ, я почти бегом вернулся к машине, помог покинуть её дочкам и, забрав вещи, портфель и чемодан, быстрым шагом поднялся на второй этаж. Тут прислуга была, но я отказался от помощи. То есть от носильщика.

Номер был чистый и подготовленный к вселению, так что пока дочки сидели на горшках – кто на своём, кого я на унитаз пристроил, – осмотрелся и довольно кивнул. Номер мне подходил, поживём пока тут. Ужинать мы не стали, были вполне сыты, так что пока было время, я решил развезаться. Отдохнуть мы успели ещё за время плавания. Скучно было, так что после душа и смены одежды – это я про дочек – мы собрались и поехали в центр Парижа к башне. Уже полностью стемнело, когда мы были на месте, но дочкам хватило и этого. Они были в полном восторге.

Пока мы гуляли по парку и ходили у опор башни, у меня было время подумать. Купленное на всех четверых мороженое быстро исчезало, оно действительно было вкусное, но это не мешало продолжать мне размышлять и прикидывать. Обращаться к кому-либо за помощью в выправке настоящих документов я не хотел, так что решил озаботиться этим сам. Ведь как, по поддельным жить можно, но в принципе недолго, до первой проверки. Обнаружив, что меня нет в базах, что такого человека вообще не существует, начнут активную проверку, и тогда всё откроется, а я должен быть в базах, мне нужны крепкие тылы, у меня дочки на руках. К тому же насчёт того, чтобы получить американское гражданство, я успел передумать, мне вполне хватит и французского, а имея недвижимость в разных странах, можно жить в них, изредка для разнообразия переезжая. В принципе идея неплохая. Куплю дома на курортах и буду жить, с этим тут было просто и меня вполне устраивало. Ну, в Париже купить квартиру, это понятно, денег из тех, что я привёз с собой, на это вполне хватало. Причём не только на квартиру в центре, примерные цены я знал, но и на приличную машину вроде того «Ситроена», на котором любил ездить Луи де Фюнес. Кстати, надо будет познакомиться. Такие машины я часто на улицах города видел, вполне приличная на вид и комфортная, мне нравилась. Чёрная будет неплоха, смотрится она в таком цвете.

Гуляли мы до десяти вечера, но дочурки заметно устали, хотя и носились вокруг, как электровеники, не убегая далеко, дальше тридцати метров ни одна не уходила. Я решил закругляться. Конечно, вид вокруг восхитительный, множество фонарей освещали парк, но хорошего понемногу.

Вернувшись в гостиницу, мы поднялись в свой номер, и после умывания и чистки зубов, это обязательное условие, легли спать. Я брал номер с двумя спальнями, предполагая одну отдать детям, а во второй устроиться самому, но дочки имели своё мнение. Ничего, кровать оказалась двуспальной, и мы вполне на ней разместились, хотя я и с краешку.

Проснулся я утром от нового падения, меня снова столкнули. Вот как у них это получается? То острым локтём в бок вопьются, то коленкой, отчего невольно пододвигаешься, на рефлексах, во сне, и вот снова на полу.

Встав, я потёр бок и, сонно посмотрев на спавшую разметавшись по кровати Александру, накрыл её одеялом и пошёл в ванную комнату. Контрастный душ помог мне окончательно проснуться. Закончив все свои дела, я даже успел спуститься и сделать заказ на завтрак, стал поднимать дочек. Кстати, куда пристроить детей, чтобы за ними присмотрели, подсказал мне портье. Тут всего в шаговой доступности было что-то вроде частного садика, где оставляли детей. Цены божеские, воспитатели опытные – вариант идеальный.

Завтрак был неплох, мы плотно покушали, после чего я отвёл дочек в садик. Директор этого детского пансионата, а именно так было написано на входе на территорию, побеседовал со мной, потом и с дочками. Легенду я выдал о том, что жили мы в Америке, поэтому говорят они в основном на английском и на русском. По владению русским пояснил так: наши предки были беженцами из России после революции. Таких во Франции было много, неожиданно оказалось, что и директор имеет русские корни, так что всё прошло нормально. Та предлагала воспитателя, владеющего английским, которая, правда, была в отпуске, но можно было вызвать, однако я отказался, попросив её не беспокоиться. Дочки у меня умненькие, язык жестов понимают. Уплатил я за неделю без проживания и с одним только обедом. Завтракать и ужинать планировалось в гостинице.

Оплатив этот недельный абонемент и стараясь говорить по-простому, я пояснил дочуркам, что сюда они будут ходить как в садик, утром я их буду привозить, а вечером забирать. Те меня поняли, но всё равно необычность всего сказалась. Пришлось отдирать их пальчики от брюк и вытирать обильно струящиеся слёзы. Оставаться без меня дочки не хотели категорически. Честно говоря, едва не забрал их, хитрюги жалобным нытьём могли растопить сердце любого, не только отца. Но ничего, на помощь пришла улыбающаяся воспитательница. Похоже, она такое видела не раз и помогла уговорить детей оставить папу в покое. Причём хитро уговорила, с помощью игр и детской площадки, где уж занималось три десятка детей их возраста. Туда их и увели.

Помахав дочкам рукой, я покинул территорию. Родителей, что привели детей, было всего четверо, остальные действительно жили тут, и их изредка навещали родители. Я сел в машину и поехал в центр города. Мне требовался чиновник из мэрии, именно там получают документы местные граждане, достигшие совершеннолетия.

Весь этот день до самого вечера я посвятил разведке и прощупыванию почвы. Небольшая плата секретарше мэра города – запросила та немного, цветы и коробка конфет сделали своё дело, – я узнал всё, что мне было нужно. В каждом районе Парижа была своя администрация, именно там и выдавали документы, а не в жандармерии, как кто-то мог бы подумать. Так вот, секретарь сообщила мне данные трёх чиновников разных районов. По её словам, они были в чём-то замазаны. В чём конкретно, она не знала, но уверяла, что за деньги те сделают всё, что угодно. Дамочке, конечно, была слегка за тридцать, но она следила за собой и было после стольких месяцев голодания мною употреблена. Несмотря на то что она замужем и имеет детей, секретаршу это не остановило, так что мы провели несколько совместных часов в гостинице, где сдавали номера таким вот парочкам. Конечно, одной конфеткой не наешься, но стало легче, что есть, то есть. Вот так, в постели, я и выпытал всё, что хотел, ну а потом продолжил окучивать женщину, и мы ещё некоторое время скрипели кроватью. Я постоянно вёл разные разговоры, перепрыгивая с темы на тему. Так что надеюсь, о моём основном интересе она успела забыть. Кстати, француженки действительно имеют изюминку, я в который раз успел в этом убедиться. В дамочке ничего такого действительно не было, но одно мне понравилось – страстной она была просто жуть. Теперь понятно, почему француженок так нахваляют. Да и

отрывалась она от семейной жизни. Похоже, у неё это было или в первый раз, или происходило не так уж и часто.

Подвезя секретаршу из мэрии до её дома, высадил на соседней улице – палиться она не хотела, – после чего мы распрощались. Она сама предложила продолжить знакомство, видимо после долгого воздержания я произвёл на неё огромное впечатление, так что я решил подумать. В принципе, почему и нет, она, конечно, в возрасте, на десять лет старше, но тоже ещё ничего. Опытная.

После расставания я поехал за дочками. Сегодня больше ничего не успею, но данные тех трёх чиновников у меня были, так что завтра посмотрю на каждого и сделаю выбор. Главное, чтобы они не были под колпаком полиции, всё же это от неё поступил официальный запрос по этим трём в мэрию.

Дочки жутко обрадовались моему возвращению и тут же завалили меня ворохом новостей, как они провели день. Одно меня в их рассказе порадовало, они ни с кем не могли нормально говорить. Это хорошо, что у детей на уме, то и на языке. Не хочу, чтобы они растрепали, кто мы и откуда, а они могли это сделать. Маленькие ещё.

Утром, завезя дочек в пансионат, я направился обратно по своим делам. К обеду я имел более-менее полную информацию обо всех трёх фигурантах. К сожалению, ни один из них мне не подходил, они действительно были замазаны в некоторых делах и находились под приглядом полиции, которая собиралась поймать их за руку. Мне в это влезать не хотелось, так что я искал что-то другое. К счастью, нашёл. Причём навёл меня на этого чиновника как раз один из тройки. Я ведь с каждым и пообщаться успел, делая намёки, но те шли в отказ. Видно, прекрасно зная, что находятся под наблюдением, видимо принимая меня за агента полиции. Так вот, один из них всё же сообщил данные своего знакомого – учились вместе, – который работал в администрации другого района. Даже дал небольшую рекомендацию. Как я понял, между ними пробежала чёрная кошка, и тот решил таким макаром его утопить. Он не письмо дал, а сам ему позвонил из кафе, где мы обедали во время встречи, и предупредил, что к нему придёт человек от него, мол, знающий. Так что, расставшись, я сразу покатыл в другой район. Проверился на всякий случай, но слежки не было. За чиновником, кстати говоря, тоже, не за ним следили, а за тем, что он делал на работе. Как я понял, он больше на подозрении был, чем действительно в разработке.

Нужный чиновник меня уже ждал, не в здании мэрии, а в кафе рядом с ним. Мы плодотворно пообщались, он узнал, что мне нужно, и сообщил цену, которая меня устроила. Правда, на выpravку всех документов и внесение в архивы он попросил три дня. Причём пообещал всё сделать чисто. Год назад в этом районе несколько старых кварталов пошли под снос, строили там новые микрорайоны, а старых жителей выселили по другим кварталам и районам. Так вот, он обещал задним числом вписать меня и детей как жителей тех кварталов, проверить теперь уже нельзя, всех же вывезли. В смысле не жителей, а, мол, я там вырос, а новый адрес у меня был сгоревшего трёхэтажного дома. Одной из квартир. В общем, чисто сработать обещал. Метрики для дочек он тоже обещал сделать, с архивами, всё как положено. Всё же нас нужно было внести в два архива, не считая больничный, где мы якобы родились. Но это он всё брал на себя. Сразу же отсчитав половину суммы, я пожал ему руку, закрепляя договор, и мы расстались. Встретиться мы должны были тут же через три дня в обеденное время.

После этого я покатыл к тому чиновнику, что дал мне наводку на этого. То, что он желал его сдать, я теперь был уверен, а это мне было не нужно, мало ли приведёт ко мне, слишком хитрую физиономию он имел. Как я уже говорил, мне это было не надо, вот я и решил снять эту проблему. Кардинально. Как это сделать, я прикинул ещё во время нашей беседы. Тот чиновник уж больно нахваливал это кафе, говоря, что не только обедает тут, но и полдничает.

Кормили в кафе действительно восхитительно, но о полднике я не забыл. Машину я оставил на соседней улице, заказал кофе с пончиком и стал ждать.

Через пару часов появился тот, кто мне был нужен, и я сразу скользнул в сторону туалета. Тот не обманул моих надежд: сделал заказ, прошёл в туалет, чтобы вымыть руки. Дальше понятно, поскользнулся на скользком кафеле, кто-то тут разлил воду, и получил травму головы о край раковины. Несовместимую с жизнью. Бывает и такое. Самое печальнее, даже не печальное... не знаю, как это сказать, но я был не виноват в его падении и травме. Я сидел в кабинке и ждал, когда он закончит, чтобы перехватить его у дверей. Там как раз был у входа порожек, вот я и хотел имитировать падение и смерть от удара головой об острую кромку. А тут вскрик, шум падения, и тишина. Выглянув, я увидел лежащую жертву. Кроме меня в туалете был ещё один «сиделец», он-то и выскочил на помощь, подтягивая штаны. Я тоже вышел, поправляя одежду. Пощупав пульс – тот был, но очень слабый, – я кликнул официанта, и пока тот суетился над пострадавшим, незаметно покинул кафе. Травма была серьёзная, я её успел осмотреть, так что если даже и вытянут того из-за кромки, то работать по специальности он вряд ли сможет. По крайней мере, год из больницы не выйдет, это я вам как врач говорю, тем более хирург. Повидал я таких травм на своём веку.

Вернувшись к машине, я подумал и покатил в сторону государственного университета Парижа, того, что выпускает врачей. Специальность у меня есть, поэтому я решил задокументировать её и здесь. Не сейчас, мне сначала мосты нужно навести, но желание такое было. Получу документы, и пока выправляется паспорт, заявку я уже могу оформить, получу диплом этого университета. Сейчас же нужно найти того, кто всё это оформит, внесёт меня в архив и данные этого университета.

Нужную информацию я получил от студентов. Легко входя в доверие, я узнавал то, что мне нужно, и сматывался. Шесть студентов, и все, как один, говорили, что секретарь директора очень жадная до денег. Раньше ещё и на молоденьких мальчиков западала, но с возрастом перешла на одни деньги. Дождавшись, когда у той закончится рабочее время, я только пощёлкал языком, наблюдая как эта дородная дамочка, по виду далеко за сорок, садится в «Ситроен», который я желал приобрести себе. Правда, это была машина белого цвета, а я хотел чёрного, всё равно намёк был ясен, дамочка жила не по доходам. Интересно, кто её муж?

Вести её было сложно, мало того что она гоняла на грани скоростного режима, так ещё посетила три магазина и один салон красоты, но подойти я к ней решил, когда она, заехав в жилой район с частными домами, припарковалась у одного из домов. Встав неподалёку, я спокойно подошёл к её машине. Смысла торопиться не было, та всё ещё доставала ворох пакетов со своими покупками.

– Доброго вечера, мадам Бински, – поздоровался я, отчего дамочка подскочила. Меня она не заметила, и мой голос её испугал.

Настороженно осмотрев меня с ног до головы, она также поздоровалась. Было видно, что женщина раньше была просто великолепна, в ней ещё остались следы былой красоты, но время наложило на неё свой отпечаток. Какие тут сорок, думаю, ей далеко за пятьдесят, вблизи это стало видно отчётливо.

– Что вы хотели? – поинтересовалась она. – Вы ведь не просто так поджидали меня у дома, молодой человек?

Во время разговора она заваливала меня своими пакетами, давая в руки и вешая на пальцы, сама же взяла лишь сумочку, после чего мы пошли к её дому.

– Да, есть желание провести с вами некоторую сделку.

– Сдать экзамен хочешь или поступить?

– Нет, тут другое. Я уже прошёл обучение, но, скажем так, в другом, не менее престижном месте. Уже немного поработал врачом и накопил некоторые средства. Хотелось бы сме-

нять свой диплом, который здесь не очень котируется, на диплом вашего университета, получившего довольно большую известность.

– Хм, желание хорошее, я бы даже сказала правильное, если вы хотите сделать карьеру. Врачей с нашим дипломом действительно охотно берут в больницы и госпитали, даже частные медицинские центры, но вам известна его стоимость?

– Хотелось бы узнать.

Когда дамочка сообщила цену, у меня чуть глаза не вылезли из орбит.

– Вам не кажется, что это слишком много? – осторожно спросил я, пока дамочка открывала своим ключом входную дверь небольшого одноэтажного особняка. То, что она замужем, я был в курсе. Да и по вещам в прихожей было видно, что тут живёт мужчина, но в доме пока никого не было.

– Можно и дешевле, – легко согласилась та. – Но вы ведь хотите настоящий документ, который легко пройдёт проверку? Причём с подписью директора, который, в случае нужды, легко подтвердит, что вы учились у нас на вечерних занятиях в одной из групп. Да и в архиве будет информация о том же.

– Да, вынужден признать, что именно такой документ мне и нужен.

– Как вы понимаете, мне потребуется поделиться, так что сумма снижаться не будет.

– Хорошо. Договорились. Что с меня требуется?

– Документы и деньги – вот и всё, остальное я сделаю сама. Мне ведь ещё придётся обойти всех преподавателей, чтобы те поставили подписи на своих предметах. Все документы должны быть в порядке. По ним вы закончили наше учебное заведение в этом году, как раз идут выпускные экзамены и вручение дипломов. Могу устроить даже так, что вы официально, как и другие, получите диплом на руки от директора. У нас три вечерних класса, друг друга они не знают, так что если не болтать, никто ничего не поймёт. А общее фото, а также момент вручения диплома могут пригодиться.

– Отличная идея, я согласен. Вижу, что вы действительно стоите той цены, которую запросили.

– Это так. Кстати, какие баллы вы хотите получить?

– Лучшие. Это возможно?

– В сумму укладывается, – кивнула та и улыбнулась.

– Хорошо. Насчёт всего этого договорённость есть, вот тут аванс, сделку проведём через три дня, я подвезу вам документы и оставшуюся сумму. Честно говоря, на такую цену я не рассчитывал, и мне нужно съездить к себе за оставшейся суммой, именно поэтому и такое время.

– Через три дня будет пятница, – задумалась секретарь. – Мне нужно два, а то и три дня, чтобы сделать всю документацию вам и убрать её в архив, диплом тоже требует времени. Придётся подождать вам до вторника, возможно и среды следующей недели. Устраивает?

– Конечно.

Я отсчитал аванс – десять процентов названной цены, и мы благополучно расстались. Ладно хоть о кровати та не намекнула, хотя и поглядывала на меня с интересом, могла ведь. Но видимо, свою охоту она прекратила, похоже, поняла, что это не в её возрасте, так что расстались мы благополучно.

Покинув дом, я посмотрел на часы и, ругнувшись, поспешил к машине. Дочек я должен был забрать полчаса назад. Опаздываю.

За следующую неделю всё прошло, как я и рассчитывал. Получил новенькие документы, сразу же подав заявку на получение паспорта в соответствующей службе, чтобы можно было покидать страну. Потом записался на вождение, мне требовалось пройти практику и ПДД, чтобы получить права, а также передал документы секретарю университета, и та взялась за

работу, пообещав, что к среде всё будет сделано, а как раз в четверг уже будет официальное вручение дипломов, кто учился на вечернем отделении вроде меня. В общем, мы успевали.

Мы с дочками всё так же жили в гостинице. Они ходили в пансионат, а я занимался своими делами. О дочках я не забывал, и мы часто путешествовали по городу, изучая его. Катались на велосипедах в парках, на лодках, кормили уток на прудах – в общем, отрывались, как хотели. Я приобрёл им гардероб из местной одежды, едва всё поместилось в два недавно купленных чемодана, игрушек накупил, так что они были довольны. Себе я тоже приобрёл гардероб, вернее пополнил. Один костюм и три комплекта одежды для повседневной носки, легкие брюки, рубашки и обувь. Нормально, в общем. Помимо этого, я, наконец, посетил обоих своих юристов, те отчитались о делах, всё шло нормально, и им было чем похвастаться. Мелкие проблемы они утрясали сами. Побывал я также и в банках, проверил свои счета. Увиденные суммы меня удивили, солидно. То-то оба юриста были так довольны, им ведь процент капал, причём пожизненный. Кстати, обоим юристам я дал ещё пачку документов, чтобы они выбили на них правели, то есть патенты, и занялись распространением. Мне же что-то нужно было делать на сухогрузе, тем более старпом снабдил бумагой и карандашом. Юристы, получив подтверждение, что договорённости остаются прежними, рьяно взялись за дело, они и сейчас этим занимались, оформляя всё, что нужно. Всего я велел выправить два патента, все на техническую тему. Это всё должны были изобрести гораздо позже, так что у меня все шансы изрядно на этом подняться. Второй юрист получил шесть новых песен, будущих шлягеров, в моём мире они, по крайней мере, были именно шлягерами. Он тоже рьяно начал их регистрировать. Пусть и дети живут на проценты по отчислениям, даже внукам хватит, если они у меня будут.

С Антуаном Лемуром, руководителем музыкальной группы, я тоже повстречался. После того как он занялся внедрением моих песен, они были зарегистрированы, дела у него пошли, и он стал продюсером. С моим юристом, что занимался песнями, они очень плотно общались, так что тот и сообщил ему обо мне, и мы встретились в одном из летних кафе. Пообщались и остались друг другом довольны. Тот порадовался новым песням, тексты он уже имел на руках от моего юриста, так что начал прикидывать, кому они достанутся. Потенциал он оценил сразу. Я им тоже был доволен, счёт, куда шли отчисления с песен, меня ошеломил, так что я надеялся на продолжение. Лемур лишь сообщил, что французы, плотно подсевшие на мои песни, желали знать, кто их выдаёт, а так как представитель у меня был как раз Лемур, именно он и посещал все вечеринки и балы. В общем, у местных бытовало мнение, что именно он их и писал. Меня это устроило, пусть пользуется чужой славой, сам я не хотел выходить в свет категорически, по понятным причинам. Так что договорились, тут главное, чтобы гонорары так же исправно капали мне на счёт. Бухгалтерию у юриста я уже изучил, всё сходилось, без обмана. Это-то и радовало.

Время свободное ещё оставалось, так что я, изучая объявления о продажах квартир в центре, в самых дорогих и элитных местах, ездил и смотрел, приценивался, можно сказать. Пару раз меня и дочурки сопровождали, им тоже было интересно. Самые дорогие квартиры я не смотрел, в принципе квартира у меня будет как временное жилище, место прописки. Постоянно я жить тут не собирался, именно поэтому и выбирал так долго. Мне понравилось три квартиры: одна четырёхкомнатная и две пяти. Причём по душе была одна: пятикомнатная на втором этаже новенького, недавно построенного шестиэтажного элитного здания. На первом этаже были большие обзорные окна, там располагались магазины и парикмахерская. Как раз под квартирой и была парикмахерская. Улица была узкой и тенистой, деревья были посажены по краю тротуара – это мне нравилось. Правда, из окон дома не было видно Эйфелеву башню, но до неё идти меньше пяти минут, что тоже большой плюс. Правда, с парковкой швах, была в десяти минутах ходьбы платная подземная парковка, а в основном местные жители просто оставляли автомобили припаркованными у бровки тротуара. Думаю, можно поступить так же,

а в случае долгого отъезда выкупить место на парковке и держать машину там. Так проще и дешевле будет.

Сегодня был вечер четверга, и я в данный момент находился в большом зале университета, как и все – в мантии, и ждал вручения диплома. Секретарь не обманула, всё сделала, как и договаривались, я уже вручил ей оставшуюся сумму и только ждал, когда вызовут меня. Наконец прозвучало моё новое имя, под которым я и получил новые документы: Анри Байо-Шарби. Пройдя к директору, получил диплом и, пожимая ему руку, улыбнулся фотографу, что ослепил нас вспышкой. Потом было несколько общих снимков, я пристроился к одной из групп, после чего мы направились в кафе отмечать событие. За этот вечер я познакомился со всеми одноклассниками, с которыми «учился». По документам, естественно. В общем, каждому я представился и со многими выпил, стараясь не хмелеть. Дело сделано, меня запомнили, и это главное. Закончил я в полночь, после чего поехал в гостиницу. Дочек забирать было не нужно, я подстраховался и оставил их сегодня на ночь в пансионате.

В принципе, основную задачу я выполнил, реальные документы были на руках. Даже диплом по специальности был при себе, скоро будут права, завтра их получу, ну и загранпаспорт вот-вот будет готов. Документы у меня были по старому адресу, тому, что сгорел, поэтому я собирался его сменить, купив квартиру. А вот фото можно будет забрать завтра у фотографа, это я про церемонию вручения. Так-то он по почте отправлял, но я своей не дал, сказал, сам зайду, вот завтра к обеду и прокачусь к нему. У него же и фотоальбом возьму, пора заводить новый семейный фотоальбом.

Утром я проснулся с плохим здоровьем, во рту как будто курятник, всё тело ломило. Всё же вчера, сколько я ни старался не опьянеть, всё равно выпил с тридцатью одноклассниками и одноклассницами и изрядно захмелел. Хорошо ещё, предполагая такой вариант, оставил машину у гостиницы и пользовался такси.

С трудом встав с кровати, я перебежками от стены к стене добрался до ванной и залез под душ. Ледяная вода дала мне жизни, хоть мыслить стал нормально, так что, помывшись, я обернул вокруг бёдер полотенце и прошёл в свою спальню. Диплом лежал на комод. Взяв его, с улыбкой изучил, потом изучил и документы. Всё было в норме. Теперь осталась сущая мелочь: в больнице района дать свои данные. В принципе, это не важно, так как покупать квартиру я собирался в другом районе, и заведу медицинскую карту, но уже новую, там. На себя и дочек.

После плотного завтрака – есть не хотелось, пришлось запихивать в себя – я взял такси, всё же перегаром от меня всё ещё несло, заехал за дочками, те были меня рады видеть, и мы поехали покупать квартиру. Теперь уже было можно. Всё же я выбрал ту, что пришлась мне по душе. И улица тихая, и место неприметное, вдали от главных улиц. Оформление взял на себя адвокат, теперь я числился его постоянным клиентом, о чём мы заключили три дня назад договор. Тот обещал всё сделать быстро, мол, уже завтра можно въезжать в квартиру на законных основаниях.

В принципе можно, возникла лишь одна проблема. Хозяева вывезли всю мебель, и после проделанного косметического ремонта, который мне понравился, завозить обратно не стали, квартира была полностью пуста. Полностью – в смысле полностью. Даже на кухне ничего не было, кроме раковины, а в санузле – шикарной ванны и унитаза. Всё нужно было покупать. Так как квартиру я уже купил, деньги заплачены, идёт оформление, я позвонил из телефона-автомата на улице в одну фирму, занимающуюся декором, номер я выяснил заранее, и нанял их сотрудника, чтобы тот обставил мне квартиру. Он должен был сделать из неё конфетку. Приехал не парень, а молодая женщина в модных очках, но, как я понял, с простыми стёклами. Видно, для солидности надевала. Она внимательно выслушала, что я хочу, и пообещала всё сделать. Там и нужно-то две спальни, моя и детей, гостевая спальня, общий зал, ну и игровая. Спальня у меня будет в довольно большом помещении, всё же квартира двести восемь квад-

ратов, в ней же я собирался сделать и кабинет. Также декоратор внимательно выслушала моих дочек, что они хотят. Переводил я. В принципе всё было понятно, и та согласилась при оснащении комнат мебелью учесть пожелания дочек. Потом девушка накидала в блокноте примерную обстановку всех комнат, мне понравилось. Она учла всё, что я хотел, даже модель телевизора, но я попросил добавить ещё пару мелочей. Кухня была большой, обедать мы собирались там, нужно было купить обеденный стол и стулья помимо остальной кухонной мебели, холодильника и даже плиты. В общем, обо всём этом декоратор знала. Потом мы заключили договор об услугах, она получила половину суммы по договору и деньги на закупку мебели и всего остального. Так что девушка поехала по магазинам выбирать и заказывать всё, что необходимо, подвозить начнут сегодня вечером и завтра, а мы с дочками поехали отдыхать на их любимый пруд к уткам. Там было летнее кафе прямо на понтонах, и можно через перила бросать кусочки хлеба и кормить разную водоплавающую живность, привыкшую к халяве. В основном там были утки, но и гуси встречались. Насчёт квартиры я не беспокоился, ключи девушке дал, может работать спокойно, но когда всё будет готово и произведён расчёт, всё же входные замки нужно будет поменять. На всякий случай.

Вечером мы вернулись в гостиницу и оставшееся время провели там.

На следующее утро, оставив детей в пансионе, где у них уже завелись друзья, я прокатился до нашей квартиры. Часть мебели уже завезли, и бригада сборщиков работала с ней, декоратора не было, она укатила за следующими заказами. Пока я изучал, что получалось, доставили ещё два заказа: холодильник и часть кухонной мебели. Было видно, что работники справляются, работают хорошо и профессионально, так что я покинул их и направился в мэрию за правами, все необходимые документы у меня были, а то езжу по поддельным. Права на одно имя, документы на другое.

Выдавал их другой чиновник, не тот, что помог мне с настоящими документами. Он спокойно изучил поданные документы, и уже через полчаса я имел на руках водительское удостоверение. Правда, водить я мог лишь мотоциклы и легковые машины, тяжёлую технику не мог, но мне и не нужно. Как только появились права, я сразу же поехал в местный автосалон и приобрёл «Ситроен», как и хотел, чёрного цвета. Оформление машины много времени не заняло. После этого я отогнал «жука» обратно в фирму по прокату, те приняли его, предварительно осмотрев. Только после этой процедуры, хорошенько спрятав поддельные документы, я стал ездить по городу на новенькой машине. А она действительно казалась очень комфортной и мягкой на ходу, я был в восхищении. Почти как моя «Волга», даже стеклоподъёмники были электрические. Потраченных на неё денег она стоила.

Именно на ней я приехал к фотографу и получил с негативами шесть довольно чётких фотографий. Хорошо, сделаю рамки и повешу в спальне, а часть в фотоальбом уберу, я два у фотографа купил.

Несмотря на то что была суббота, банки работали, так что я заехал в государственный банк и открыл счёт на своё новое имя на одиннадцать тысяч франков. Этого хватит и на содержание квартиры, и на остальное. Зарегистрировать себя и дочек в местной поликлинике я решил в понедельник, сейчас пока не до того было. Заехав в квартиру, я застал там декоратора. Та сообщила, что работы ещё много, скорее всего, закончат они в понедельник, но тогда действительно уже можно будет въезжать. А сейчас один из её подчинённых, тоже из фирмы, долбил стену в моей спальне, чтобы замаскировать в ней настенный сейф. Тот уже привезли. Поэтому мы вышли на лестничную площадку к лифтам, тут хоть поговорить можно, шум кувалды не мешал. Тут же я сообщил и о фотографиях, та обещала вставить их в рамки и повесить на стене, как я и хотел.

Адвокат мой уже закончил с регистрацией, теперь я был прописан с дочками в этой квартире, машина тоже была, поэтому, подумав, я решил: а почему бы не смотаться на море и не

отдохнуть? Тут ехать часов пять-шесть, тем более нынче как раз конец бархатного сезона? Правда, чуть позже я понял, что ошибся, дольше ехать нужно. До Лазурного берега оказалось почти девять часов. Ничего, забронировать авиабилеты до Ниццы, а оттуда уже на машине можно доехать и до Сен-Тропе. Как я и хотел. Идея мне пришла только что, пару дней для отдыха у нас было, так что, пообещав декоратору вернуться в понедельник ближе к вечеру, я выдал ей ещё средств – не хватило – и поехал за детьми. Сборы много времени не заняли, уже через час мы были в аэропорту, оставив машину на парковке, оплатили билеты и вылетели в сторону Средиземноморского берега Франции. Канны, Тулон, Ницца и Сен-Тропе – всё было там.

* * *

– Однако должен признать, я в восхищении, – сообщил я декоратору, закончив осматривать квартиру.

Дочки веселились в игровой, специальной комнате для них, спальня им тоже понравилась. Мы приехали всего полчаса назад, оставили чемоданы в машине, и вот изучали, что получилось у декоратора. Сказал я искренне, меня действительно восхитила её работа.

– Благодарю, я действительно старалась, – скупой улыбнулась та, но я видел, что моё восхищение ей было по нраву.

Наконец я всё осмотрел, побывал на остеклённом балконе, они были в этом доме, там тоже всё было сделано для отдыха. Потрогал шторы на окнах и довольно кивнул. Работа была принята. Оплатив остаток средств, я выслушал отчёт о тратах, мне вернули часть суммы, а я её в качестве премии выдал декоратору, после чего она нас покинула. Девушка была вполне в моём вкусе, однако на намёки продолжить знакомство она ответила отказом, с улыбкой продемонстрировав обручальное кольцо на пальце. Верная оказалась, ну да ладно. Главное, она выполнила всё, что я хотел, до последних мелочей, от мыла и туалетной бумаги в ванную комнату до нескольких комплектов постельного белья, как мне, так и детям. Даже два комплекта было для гостевой спальни, я туда брата с женой временно заселить подумывал. Одних бельевых шкафов в квартире было три штуки, во всех трёх спальнях. Одежды у меня было не так много: часть обычной повседневной и для отдыха – купил на курорте. Так что разложил по полкам и повесил на плечики, но всё равно шкаф казался почти пустым. У детей было получше, у них вещей на каждую было чуть не в три раза больше, чем у меня, а уж шляпок по три-четыре на каждую. Это мы на курорте накупили. Шляпок такого фасона у дочек в Союзе не было, вот они и отрывались, пока мы по магазинам ходили. Ладно хоть это нечасто за два дня было, всего два раза, почти всё время с утра до вечера мы проводили на пляже, из-за которого в принципе и отправились отдыхать.

Кстати, насчёт того, что я собирался забрать брата с женой и ребёнком через пару лет, это было не совсем так, мне нужны были тут надёжные люди, с которыми я мог оставлять детей, так что вывезти я их собирался в ближайшее время. Насчёт их дальнейшей судьбы я особо не думал, помогу развить бизнес, сами выберут какой, главное, чтобы стабильно кормил их и детей, ну а дальше пусть сами. Вывезти я собирался только брата с женой, устраивать паломничество родственников пока не было желания, спялят. Так что брат – единственная надежда, я ему доверял и знал его как облупленного. Он сейчас офицер-пограничник, но думаю, из-за меня его уже, скорее всего, попёрли. Возможно, да, возможно, нет. Посмотрим, одним словом.

После того как декоратор ушла, на меня навалились дочери и потащили хвастаться, что у них в спальне и игровой и как всё там устроено. Что есть, то есть, в обеих комнатах было просто восхитительно, как обстановка, так и вид из окон. Огромные панорамные окна давали отличный вид на улицу.

Оставив их изучать новые игрушки, я спустился к машине, припаркованной у входа в фойе дома, и поднял наверх чемоданы, потом сходил в продовольственный магазин, он находился тут же, на первом этаже, только вход был с другой стороны здания. Всё купила декоратор, но вот холодильник был пустой, и я собирался исправить этот недостаток.

Думаю, стоит поведать о том, что я планировал на следующие месяцы. Отправляться через пару месяцев обратно в Союз я передумал. Смысла не было пока, пусть окончательно улягутся активные поиски. Нет, обратно я переберусь, посмотрю по ситуации, но не раньше весны следующего года. В семидесятом году вернусь в Союз. Ну, а так как времени у меня было навалом, я решил окончательно легализоваться во Франции. Отдыхая на побережье Лазурного берега, я много думал об этом, тем более время было. Конечно, интрижки у меня там были, трех девчат-туристок соблазнил, снова две шведки попались, но и на детей я тратил немало времени. Так вот отдыхая на берегу, развалившись на шезлонге под прикрытием пляжного зонтика, я уже успел обгореть, дочки с визгом носились в волнах среди других детей, я и думал, что делать дальше, планируя свои дальнейшие шаги.

В принципе ничего сложного там не было. Раз я окончательно решил, что стану по национальности французом, то стоит влиться в местное общество. Конечно, дочки не говорили по-французски, но у меня уже была проработана легенда. Мать у них англичанка русского происхождения, дети после рождения с матерью переехали в Англию, ну а когда их мать погибла, я их забрал себе. Проверка показала, что легенда вполне надёжна и состоятельна, от этого и отталкивался. Это объясняло, почему дочки знали русский и английский. Кстати, за эти десять дней они уже освоились и начали вставлять в разговор словечки на французском языке. Да и я вплотную занялся обучением их. В жизни всё пригодится, можете мне поверить.

Так вот, раз я собирался осваиваться тут, то стоит и поработать по специальности, всё же знания – это одно, а личный опыт – другое. Конечно, я обучался по другой системе, советской, но думаю, разберусь. Вот, накупил медицинских справочников и изучаю их на досуге, это чтобы быть в курсе всех новинок. В принципе я и раньше выписывал английские и французские журналы по медицине, как и книги известных врачей, поэтому в теме. Выбор больниц и частных медицинских учреждений в Париже был обширен, но особо заморачиваться я не стал и просто решил устроиться в нашу же районную больницу на должность хирурга. Какой-никакой опыт у меня уже был, ассистировал во время сложных и серьёзных операций, так что выдержу. Как я уже говорил, мне тут главное – личный опыт получить.

Подняв всё в квартиру, я проверил, как дети, и, устроившись на кухне, стал готовить ужин. Не всего хватало, что-то забыл купить, ладно хоть посуда вся имелась, поэтому мне пришлось пару раз спускаться в магазин. То соль купить, то масло. А так ничего, ужин был неплох, и мы перекусили в узком семейном кругу. Нужно будет завести это традицией. После ужина мы пошли гулять по улицам. Причём дошли до больницы. Раз всё равно гуляем, почему бы не провести разведку? Сказано – сделано. О, послезавтра нужно забрать паспорт, как раз на работу устраиваться буду, вот и съезжу. Осталось только решить, что буду делать с дочками. Подобия садиков тут были, рядом было муниципальное детское учреждение, поэтому я решил устроить их туда. Тоже пусть привыкают. Утром перед началом рабочего дня буду их оставлять, а вечером забирать. Тут нужно подумать насчёт дежурств, а они будут, кто-то же должен их забирать, поэтому я решил нанять им няню, причём ту, что знает английский и сможет помочь детям в освоении французского. Да, так и поступим. Да и домработницу можно нанять, пусть пару раз в неделю уборкой занимается.

* * *

Да уж, с набором опыта я не ошибся. У меня теперь за эти девять месяцев его хоть попой ешь. Больница-то была муниципальная, большая часть жителей района шла к нам, на частных

врачей и клиники денег не было, поэтому работали очень плотно. Тем более больница в соседнем районе закрылась на ремонт, и некоторую часть населения района передали нам. Причём большую, а персонала при распределении по районам нам достался меньше всех, вот и работали всё это время почти без отдыха с редкими выходными. Ладно хоть я всегда находил время для дочек, проводя с ними всё свободное время.

У меня, помимо того что я каждый день с утра до вечера проводил на работе, так ещё раз в два дня были дежурства. Первые два месяца я был под плотной опекой заведующего хирургическим отделением, тут это по-другому называется, я просто перевожу на более понятный язык, а потом, когда он убедился, что всё же какая-никакая квалификация у меня есть, отпустил в свободное плавание. Сперва я работал над лёгкими случаями, ассистируя тяжёлые операции, а потом уже был допущен и до тяжёлых случаев. Пока везло, никто не умер у меня на столе, ошибок тоже не было, работал не быстро из-за малого опыта, но уверенно и хорошо. А опыт – дело наживное. Главное, хирурги тут были отличные и опытные, делились наработками со мной, ну а я впитывал, как губка. С каждым днём я видел, что мои возможности росли, и я спокойно оперирую пациентов даже в тяжёлых случаях. В день бывало по две плановых операции, но случалось и больше. Если тяжёлая, то одна, остальных пациентов перекидывали другим врачам. Месяц назад автобус неподалёку от больницы столкнулся с грузовиком, так мы два дня не покидали операционные, на ногах едва держались, но ни один из доставленных нам раненых за кромку не ушёл. Тут была и моя заслуга. Однако, несмотря на это, меня всё равно держали за пока ещё зелёного специалиста. В чём-то хирурги были правы.

Поработать в больнице я планировал до начала мая, а проработал до середины июня, работы реально было много, но в этот день я пришёл к заведующему с заявлением об увольнении по собственному желанию, указав причину как семейные обстоятельства. Я знал о недостатке хирургов в больнице, но поделать ничего не мог, у меня были дела, которые я просто не мог оставить на других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.